

понедељник среда пятница

НОВАЯ
газета

№ 91 (3245) 18.08.2021 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

**30 ЛЕТ НАЗАД ГРУППА
ТОВАРИЩЕЙ ПОПЫТАЛАСЬ
СВЕРГНУТЬ МИХАИЛА ГОРБАЧЕВА
И ВЕРНУТЬ В СТРАНУ СТРАХ**

КАК ПРОВАЛИЛСЯ ПУТЧ:

СПЕЦВЫПУСК «НОВОЙ»

КООПЕРАТИВ

**«ЛЕБЕДИНОЕ
ОЗЕРО»**

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

Геннадий Янаев

Борис Пуго

Владимир Крючков

Олег Бакланов

Валентин Павлов

Василий Стародубцев

Дмитрий Язов

Александр Тизяков

КООПЕРАТИВ «ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО»

19 августа 1991 года в СССР была предпринята попытка государственного переворота. Президент СССР Михаил Горбачев изолирован на крымской даче в Форосе, для управления страной создан Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП). Организатором и движущей силой переворота стала группа заговорщиков во главе с Владимиром Крючковым, активная роль отводилась руководимому им КГБ СССР. Попытка переворота провалилась, и в ночь на 22 августа Горбачев вернулся в Москву. В тот же день был подписан указ президента СССР об освобождении уже арестованного Крючкова от должности председателя КГБ СССР и указ об освобождении от должности и лишении звания генерал-лейтенанта начальника Службы охраны КГБ СССР Юрия Плеханова. Арестовали и остальных заговорщиков.

Материалы следствия, часть которых публикуется в этом номере «Новой газеты», дают представление не только о том, как это было 30 лет назад, но и о том, как это начиналось — вполне прозаично. Истоки заговора обретали свои очертания, можно сказать, на глазах у всех.

Тревога нарастает

К осени 1990 года руководство КГБ окончательно сделало свой выбор. Обзор политического положения в стране был разослан Крючковым 18 октября 1990-го региональным руководителям КГБ. Крючков нагнетал страхи и писал, что в стране сформировался и открыто действует блок «антисоциалистических сил» с центром в Москве. И делал вывод: «Не вызывает сомнения готовность к насилию со стороны антиконституционных сил». Через несколько месяцев, в феврале 1991-го, Крючков информирует Горбачева о положении в стране. Тон этого письма еще более тревожен, тут впервые Крючков намекает на необходимость «чрезвычайных мер» и возможность организации «чрезвычайных органов» управления страной. Идея военного положения уже носится в воздухе.

В октябре 1990-го на оперативных совещаниях в подразделениях КГБ, оценивая обстановку, руководящие сотрудники уже не таясь высказывают явную тревогу и недовольство по поводу происходящего: «Враждебная кампания против КГБ — это производное от общего положения в стране. К власти рвется антидемократические силы... Идет наступление на основные структуры государства... Руководство страны занимает двусмысленную позицию...» Но в среднем руководящем слое чекистов еще сильна вера в то, что руководитель страны Горбачев может на что-то повлиять и исправить: «Надо просить Михаила Сергеевича выступить перед сотрудниками КГБ». В то же время в конце 1990-го человек из ближайшего окружения председателя КГБ Леонид Шебаршин отмечает перемены в его настроении: «Крючков никогда не допускает ни одного слова, которое можно было бы истолковать как проявление нелояльности в отношении Горбачева. И тем не менее мне кажется, что он начал разочаровываться в нашем лидере».

В своих более поздних интервью Крючков признается, что «раскусил» Горбачева в 1990–1991 годах и пришел к выводу, что он — «двуликий Янус»¹. Можно с уверенностью сказать: председатель КГБ вел свою линию, отличающуюся от горбачевской. Впервые эти политические разночтения стали достоянием публики в декабре 1990-го. Беспрецедентным было телевизионное выступление Крючкова накануне Четвертого съезда народных депутатов. Председатель КГБ призвал «всех честных граждан объединить усилия в борьбе с посягательствами на социалистический, государственный, общественный строй»². Получалось, что Крючков публично выставлял себя единственным защитником социализма в СССР. У многих тогда возникло недоумение: почему по вопросам собственности и власти выступает председатель КГБ, а не премьер-министр или президент?

Выступая на Четвертом съезде народных депутатов СССР, председатель Верховного Совета РСФСР Борис Ельцин с тревогой говорил о том, что в стране происходит конституционное оформление «неограниченного авторитарного режима», при этом в «недостойные политические

игры» пытаются втянуть армию и органы КГБ и МВД³. Выступление Крючкова на этом же съезде 22 декабря 1990-го было посвящено «деструктивным политическим силам» и борьбе с «экономическим саботажем». Крючков, нагнетая «шпиономанию» и прочие страхи, сетовал на бессилие правоохранительных органов, говорил, что органы КГБ подвергаются «необоснованным грубым нападениям»⁴. В целом выступление Крючкова содержало оценки ситуации в стране, отличающиеся от горбачевских. И по тональности, и по смыслу выступление Крючкова было своего рода декларацией и заявкой на особую политическую значимость. Да и сам по себе факт обращения председателя КГБ к международным темам свидетельствовал о далеко идущих амбициях. Расхождение позиций Крючкова и Горбачева было тут же замечено западной прессой⁵, а ряд экспертов вообще сделал выводы о «возврате старых времен». Крючков поспешил успокоить общественное мнение. В пресс-центре Верховного Совета СССР 25 декабря 1990-го он вынужден был дать пресс-конференцию и изложить свои объяснения. Продемонстрировав показную лояльность президенту Горбачеву, он все же взялся развивать мысль о праве президента использовать «чрезвычайные меры» и тут же успокаивал, что это не будет «возвратом к прошлому», а наоборот — «это будет просто наведение порядка, по которому все так скучают»⁶.

Крючков чувствовал, как у него уходит почва из-под ног

Политическая расстановка сил серьезно изменилась не в пользу союзного руководства после феноменального успеха Ельцина на выборах президента РСФСР 12 июня 1991-го. Руководители КГБ совершили серьезный просчет, взявшись в предвыборную гонку не на стороне Ельцина. Офицеры КГБ вели в своем окружении закусную агитацию против Ельцина. А Горбачев был вынужден считаться с Ельциным, выросшим в крупнейшего политического деятеля в стране.

Тогда же окончательно определилась антигорбачевская фронда. На закрытом заседании Верховного Совета СССР 17 июня 1991-го выступили премьер-министр Валентин Павлов, министр обороны Дмитрий Язов, министр внутренних дел Борис Пуго и председатель КГБ Владимир Крючков. Они обвинили президента Горбачева в «бездействии» в условиях надвигающейся катастрофы. Смысл их речей был зловещ. Особенно поразил воображение депутатов Крючков, нарисовавший картину заговора с участием тайственных «агентов влияния». Никаких конкретных имен председатель КГБ не назвал, но его намеки были поняты и хорошо усвоены наиболее чувствительной к конспирологии публикой.

Подобный демарш ближайших соратников заставил Горбачева напрямую укреплять связи с лидерами республик и торопиться с подписанием Союзного договора.

³ Четвертый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1991. С. 296.

⁴ Там же. Т. 2. М., 1991. С. 18–27.

⁵ Что говорят в Вашингтоне о выступлении председателя КГБ СССР // Известия. 24 декабря 1990 года.

⁶ Председатель КГБ В.Крючков: К старому вернуться невозможно // Известия. 26 декабря 1990 года.

Встреча Горбачева с Ельциным и Назарбаевым состоялась 30 июля 1991-го. Помимо обсуждения Союзного договора речь шла и о возможных кадровых перестановках в кабинете министров, упоминался в этой связи министр обороны Язов⁷. Как пишет Горбачев, позже выяснилось, что встреча прослушивалась КГБ и эта запись использовалась Крючковым для того, чтобы подтолкнуть Язова к участию в будущем путче. По утверждению Болдина, Горбачев рассказал ему об этой встрече и о том, что Ельцин и Назарбаев «настаивают на том, что Крючкова и Язова надо убрать с должностей: не тянут больше старики»⁸. При этом Болдин упомянул о том, что слышал, будто Горбачев обсуждает вопрос о назначении Бакатина на пост председателя КГБ.

Теперь счет шел на дни. Крючков не только рисковал потерей места и крушением карьеры. Рушилась его система ценностей. Он не мог согласиться с тем, чтобы хоть одна республика вышла из состава СССР, яростно сопротивлялся департизации системы КГБ. Как отмечает Шебаршин, записавший высказывания председателя КГБ, «Крючков никак не может смириться с мыслью о том, что коммунистическая партия обречена на гибель, он полагает, что и органы госбезопасности могут погибнуть вместе с ней». Спасение Крючков видел в решительных и кардинальных действиях, но до поры до времени действовал осторожно и скрытно. Это было вполне в его манере. Шебаршин хорошо изучил повадки своего шефа: «Крючков никогда не раскрывает свои планы, исподволь готовит почву, ходит тайными, окольными путями».

4 августа 1991-го Горбачев отправился отдыхать в Крым на дачу в Форосе (объект «Заря»), планируя вернуться в Москву к назначенной на 20 августа дате подписания Союзного договора. Крючков не терял времени. На следующий день после отъезда Горбачева — 5 августа — на объекте АБЦ, принадлежащем КГБ, собрались приглашенные им Язов, Бакланов, Шенин и Болдин. В своем решении они были единодушны: сорвать подписание Союзного договора и ввести в стране чрезвычайное положение.

Все последующие дни шла лихорадочная подготовка: прорабатывались планы, готовились документы о чрезвычайном положении, на «прослушку» ставились телефоны людей из окружения Ельцина, составлялись списки на задержание российских руководителей и «демократических лидеров». Крючков создавал, что все нужно успеть сделать до 20 августа. Решающая встреча заговорщиков состоялась на объекте АБЦ вечером в субботу 17 августа. До выступления заговорщиков оставались часы. Было решено предъявить Горбачеву ультиматум: или он соглашается объявить в стране чрезвычайное положение, или его изолируют, объявят «больным» и вместо него президентские полномочия будут переданы вице-президенту Геннадию Янаеву.

На следующий день, 18 августа, депутация в составе Бакланова, Болдина, Варенникова, Шенина и начальника Службы охраны КГБ Плеханова отправилась к Горбачеву в Форос. Крючков чувствовал заранее, что Горбачев вряд ли согласится. И в Форос председатель КГБ отправил группу связистов, а начальнику управления правительственной связи загодя дал указание подготовиться к отключению у Горбачева всех видов связи.

⁷ Горбачев М.С. Наедине с собой. М., 2012. С. 562.

⁸ Болдин В.И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С. Горбачева. М., 1995. С. 12.

СТРАНИЦЫ 4–5 ⇨

Объект КГБ «АБЦ» в Теплом Стане. Теплостанский проезд, 1а

¹ Владимир Крючков: Путин говорит на понятном мне языке // Вечерняя Москва. 23 мая 2001 года.

² 10 вопросов председателю КГБ // Известия. 14 декабря 1990 года.

← СТРАНИЦЫ 2-3

КООПЕРАТИВ «ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО»

Бессонная ночь в Кремле

В тот же воскресный день 18 августа в восемь вечера в Кремле в кабинете премьер-министра Валентина Павлова стали собираться участники ГКЧП. Ждали возвращения Бакланова, Болдина и Шенина из Крыма.

Вызвали председателя Верховного Совета СССР Анатолия Лукьянова, который, явившись в Кремль, предварительно заглянул в свой кабинет и прихватил с собой Конституцию СССР и Закон «О чрезвычайном положении». Законник!

Лукьянову, как только он переступил порог, тут же заявили: «...если будет заключен Союзный договор, будет распущено правительство, все не будет действовать». Да он и сам это прекрасно знал и чувствовал. Как отмечено в обвинительном заключении: «Убедением Лукьянова А.И. было, что подписание нового Союзного договора — это конец Союза ССР». Осторожный Лукьянов отказался войти в состав членов ГКЧП, но вполне был готов помочь общему делу: «...Он взял на себя обязательство подготовить заявление по поводу переговоров в Ново-Огарево. Обещал оказать помощь при утверждении решений ГКЧП в Верховном Совете СССР на предстоящей внеочередной сессии, говорил, что это будет сложно сделать...»

Вторым отказавшимся войти в ГКЧП стал министр иностранных дел Бессмертных. Его мотивация была более серьезной и аргументированной, чем лукавская. Бессмертных вылил на собравшихся ушат холодной воды. Он заявил: «Чрезвычайное положение вызовет серьезный кризис во внешней политике. И можно ожидать санкций блока НАТО, потому что всякое чрезвычайное положение есть ущемление прав человека, очень чувствителен на этот счет «запад», тем более мы достигли очень многого». Бессмертных напомнил: «Мы не получили ни зернышка из того зерна, которое должны закупить, закроются кредитные линии... Если тем более что-то случится в Прибалтике, то произойдет колоссальный внешнеполитический взрыв... Если прольется кровь, весь мир просто восстанет...»

Монолог Бессмертных, конечно, произвел некоторое деморализующее впечатление на присутствовавших, но уже ничего не мог изменить. Дело зашло уже слишком далеко, необратимый шаг — изоляция Горбачева — был сделан, и пути назад не было.

Долго искали Янаева. Воскресный вечер он кортал у друзей, предаваясь любимому занятию — выпивке. Он, конечно, догадывался, зачем его так срочно кличут в Кремль. Отнекивался, не хотел ехать. И все же от приятного застолья с друзьями был безжалостно оторван.

Янаеву очень не хотелось подставляться. Он хоть и сердцем был с остальными, но каким-то аппаратным чутьем догадывался о гибельности всей затеи. Стал отнекиваться от главной роли. Вот как рассказывал об этом в ходе следствия Павлов:

«Тогда Янаев стал говорить: «А как же тогда объяснить, почему я беру на себя исполнение обязанностей президента? Почему именно я? Пусть Лукьянов берет это на себя...» Было видно, что Янаев проявляет нерешительность в этом вопросе. В ответ на это Лукьянов заявил: «По Конституции ты должен исполнять обязанности президента, а не я.

Мое дело — собрать Верховный Совет СССР...» Они начали спорить между собой, откуда-то появилась Конституция СССР и Закон о правовом режиме чрезвычайного положения. Обсуждали они этот вопрос довольно энергично.»

Янаев позднее выразился довольно образно. Все дело организовали представители «трех сектовых ведомств» — КГБ, МВД и Минобороны. Очень интересная оценка характера силового блока. Секта! Янаев прекрасно понимал сущность советского мироздания и системообразующих ведомств.

«Банда восьмерых»

В заготовленных заранее бумагах значились 10 членов ГКЧП. Двое — Лукьянов и Бессмертных — отказались, оставшись на положении сочувствующих. Но и им, и тем, кто остался, было что терять. Все они — представители общесоюзных структур — после подписания Союзного договора гарантированно лишались работы. Ну а по возрасту им светила только пенсия. Отсюда и основная мотивация членов ГКЧП — сохранить личную власть. И в какие бы цветастые фразы о спасении Родины это их желание ни пряталось, глубинный мотив был один — не потерять свое привилегированное положение. Не забота о стране, а забота о себе и своих амбициях. Это и погубило страну.

Итак, в состав ГКЧП вошли восемь человек: Янаев, Павлов, Крючков, Язов, Пуго, Бакланов, Тизяков и Стародубцев. А вот КПСС формально осталась в тени. И неслучайно. Активный участник всех подготовительных совещаний секретарь ЦК КПСС Шенин решил партию приберечь. Он знал, как надо использовать партаппарат. На следующий день, 19 августа, после обнародования решения о создании ГКЧП секретариат ЦК КПСС выступил с поддержкой, разослав в парторганизации на места телеграмму: «...примите меры по участию коммунистов в содействии Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР».

Формально не вошел в ГКЧП и Болдин — активный разговорщик и ближайший к Горбачеву человек. Горбачева особенно уязвила измена его многолетнего помощника. Болдин с 1981-го служил ему верой и правдой, будучи помощником секретаря ЦК, а с марта 1985-го — помощником генерального секретаря. В кабинет шефа Болдин всегда входил запросто, без доклада. Свой человек!

Когда решался вопрос, кому лететь в Крым предьявлять ультиматум Горбачеву, Язов невесело пошутил: конечно, Болдину. Горбачев увидит его и поймет безвыходность своего положения — дескать, «и ты, Брут...».

Свой антигорбачевский выбор Болдин сделал вполне сознательно. Вечером 18 августа в Кремле убеждал еще колеблющихся, запугивал — мол, уже нет пути назад, «мосты сожжены». Язов это понял и принял почти обреченно; правда, позднее с изумлением констатировал: «Михаил Сергеевич никакого отречения не подписал...»

Наверное, Крючков был бы плохим председателем КГБ, если бы доверял своим же соратникам по ГКЧП. Конечно, он подстраховался и 19 августа отдал распоряжение взять на контроль телефонные перего-

воры Янаева и Лукьянова (из протокола допроса от 17.12.1991, Степанков, с. 62). И может, не только их. Он точно знал, где слабые звенья, предчувствовал, кто первым дрогнет. Эта парочка еще вечером 18 августа в Кремле, затеявая споры, выторговывала себе хоть что-то похожее на политическое алиби.

«Работать как в дни похорон»

Утро 19 августа 1991-го началось с зачитывания по радио и телевидению воззвания и документов ГКЧП. В Москву начался ввод войск. Ни у кого не оставалось сомнений — переворот!

Балет Чайковского «Лебединое озеро» теперь прочно ассоциируется с ГКЧП. Нельзя было придумать ничего глупее, чем устроить «похоронную программу» по всем каналам радио и телевидения. Траурная архаика могла вызвать только отторжение, навевая невеселые воспоминания о недавних временах политического застоя и сомкнутых уст. И что же, нас опять зовут вернуться туда? А если не менять программ и оставить веселую «развлекуху», то кто ж поверит в серьезность намерений ГКЧП «спасти Отчизну»? Они проиграли на уровне политической стилистики, не смогли подыскать приличествующей эпохе обертки для убеждения населения в своевременности и современности чрезвычайных мер. Ну хоть нарядились бы «черными полковниками», что ли, все же было бы увлекательней — хоть какой-то креатив. С другой стороны, искушенный свободой и гласностью народ не обманешь. Даже при всей советской архаичности презентации ГКЧП тут же родилась прибаутка: «Расселся тут тонтон-макут» — прямая отсылка к хунте в латиноамериканском стиле.

Пресс-конференция ГКЧП вечером 19 августа стала первым шагом к провалу. Вся страна и весь мир уже знали о выступлении Ельцина с «Воззванием к народу», объявившим произошедшее «реакционным, антиконституционным переворотом». Никто не поверил в «болезнь» Горбачева, и ответы членов ГКЧП на вопросы журналистов были беспомощны и бледны. Полный провал!

Никита ПЕТРОВ, историк — специально для «Новой»

В публикуемых ниже сухих строчках обвинительно-го заключения по «делу ГКЧП» — огромный пласт фактов и живых свидетельств, сочное описание событий, оценок и реплик действующих лиц.

Несмотря на кажущиеся излишними подробности, а порой и повторы, это крайне интересно читать. В тексте обвинительного заключения по «делу ГКЧП» удивительным образом сочетаются юридическая доказательность и захватывающая фабула событий.

Вниманию читателей представлено несколько фрагментов: описание мер по изоляции Горбачева, повествование о событиях в Кремле после возвращения из Крыма депутации, которой было поручено вынудить президента согласиться на введение чрезвычайного положения в стране, и рассказ о действиях министра внутренних дел Бориса Пуго, чье участие в ГКЧП закончилось трагически.

«ЯДЕРНАЯ КНОПКА ОКАЗАЛАСЬ В РУКАХ ГРУППЫ АВАНТЮРИСТОВ»

Генеральная прокуратура Российской Федерации Обвинительное заключение по уголовному делу № 18/6214-01

- по обвинению:
1. Янаева Геннадия Ивановича по ст. ст. 64 п. «а», 171 ч. 2. 175 УК РСФСР;
 2. Лукьянова Анатолия Ивановича по ст. ст. 64 п. «а»;
 3. Павлова Валентина Сергеевича по ст. 64;
 4. Крючкова Владимира Александровича по ст. ст. 64 п. «а», 260 п. «б» УК РСФСР;
 5. Язова Дмитрия Тимофеевича по ст. ст. 64 п. «а», 260 п. «б» УК РСФСР;
 6. Шенина Олега Семеновича по ст. 64 п. «а» УК РСФСР;
 7. Бакланова Олега Дмитриевича по ст. 64 п. «а» УК РСФСР;
 8. Варенникова Валентина Ивановича по ст. 64 п. «а» УК РСФСР;
 9. Плеханова Юрия Сергеевича по ст. ст. 64 п. «а», 260 п. «б» УК РСФСР;
 10. Генералова Вячеслава Владимировича по ст. ст. 64 п. «а», 260 п. «б» УК РСФСР;
 11. Тизякова Александра Ивановича по ст. 64 п. «а» УК РСФСР;

КАК ОБЕСПЕЧИВАЛАСЬ ИЗОЛЯЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА СССР.

ФРАГМЕНТЫ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПО «ДЕЛУ ГКЧП»

После отказа М.С. Горбачева удовлетворить предъявленные требования Бакланов, Шенин, Варенников и Плеханов около 19 часов возвратились на аэродром Бельбек. С ними уехал и отстраненный Плехановым от исполнения своих обязанностей В.Т. Медведев. Плеханов в дополнение к принятым мерам по изоляции президента СССР дал указание экипажу оборудованного специальной связью резервного президентского самолета Ту-134 (командир корабля — С.В. Галузин) убыть в Москву, а экипажу президентского вертолета Ми-8 (командир — В.И. Власов) лететь к себе на базу. В это время Варенников, встретившись с прибывшими на аэродром по указанию Язова главнокомандующим Военно-Морским Флотом СССР В.Н. Чернавным и первым заместителем министра внутренних дел Б.В. Громым, сообщил им о том, что президент СССР серьезно болен и поэтому последует введение чрезвычайного положения в стране. Они должны быть к нему готовы. Он также предложил Громову вылететь на самолете министра обороны СССР в Москву, но тот отказался.

В 19.30 самолет Ту-154 (бортовой номер 85605) с Баклановым, Болдиным, Шениным, Плехановым, Медведевым на борту вылетел с аэродрома Бельбек в Москву.

После его отлета Варенников собрал в литерном доме ожидавших его командующих военными округами: Киевского — В.С. Чечеватова, Северо-Кавказского — Л.С. Шустко, Прикарпатского — В.В. Скокова, а также командующего Черноморским флотом М.Н. Хронопуло и начальника ракетных войск и артиллерии В.М. Михалкина. На совещании Варенников сообщил присутствовавшим о серьезном заболевании президента СССР и о возможности объявления чрезвычайного положения в стране. Он потребовал быть готовыми к введению в войсках повышенной боеготовности. Для использования в работе он раздал присутствовавшим копии Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения».

Завершив инструктаж, Варенников на самолете Ту-134 вместе с Чечеватовым вылетел в Киев.

Командир резервного президентского самолета Галузин, зная, что 19 августа президент СССР и сопровождающие его лица должны лететь в Москву для подписания Союзного договора, позвонил диспетчеру авиаотряда. Не получив подтверждения необходимости немедленного вылета, Галузин принял решение остаться на аэродроме Бельбек.

По той же причине не улетел с Бельбека и президентский вертолет Ми-8.

После введения в стране чрезвычайного положения министр обороны СССР Язов приказал закрыть аэродром Бельбек. Прилет и вылет всех воздушных судов мог осуществляться только по его личному разрешению.

Во исполнение приказа Язова на аэродроме были усилены караулы и посты. Президентские самолеты Ту-134 и вертолет Ми-8 были заблокированы двумя поливочными машинами. Допуск к ним экипажей и технического персонала — запрещен.

19 августа 1991 года в 19 часов 38 минут резервный президентский самолет Ту-134 был отправлен в Москву. На нем улетела группа операторов стратегической связи под командой заместителя начальника управления Генштаба Вооруженных Сил СССР полковника В.Т. Васильева, обеспечивавшая возможность президенту СССР решать

вопросы обороноспособности страны во время его отдыха в Форосе.

Обвиняемый Варенников о встречах на Бельбеке и отлете в Киев на допросе 12 ноября 1991 года сообщил следующее: «...На аэродроме меня поджидали Чернавин и Громов, и в здании, как мне сообщили, командующие военных округов. Чернавину я сказал в присутствии Громова, что по поручению Министра обороны сообщаю, что возможно введение в действие Закона о чрезвычайном положении в некоторых районах страны и в связи с этим может быть объявлена повышенная боевая готовность войск и сил флота.

Министр просил посмотреть некоторые документы (наши, чисто военные, и Закон о введении чрезвычайного положения) <...>

<...> Я знал, что у Громова кончается отпуск и в порядке любезности предложил ему воспользоваться самолетом Министра обороны. Он поблагодарил и сказал, что сейчас лететь не может <...>

<...> после этого мы с ним распрощались, а я занялся подготовкой отправки группы в Москву <...>

<...> Группа в составе генерал-полковника Чечеватова (КВО), генерал-полковника Шустко (СКВО) и маршала артиллерии Михалкина была собрана в комнате здания аэродрома, где я с ними провел занятие. Присутствовал на этом занятии Хронопуло <...>

<...> Ориентировал командующих, что Министр обороны приказал довести до их сведения, что в ближайшее время может быть введен в действие «Закон о чрезвычайном положении» в некоторых регионах страны, в связи с этим будет объявлена повышенная боевая готовность <...>

<...> Для более конкретного решения вопроса по изучению Закона я каждому раздал ксероксную копию этого документа <...>

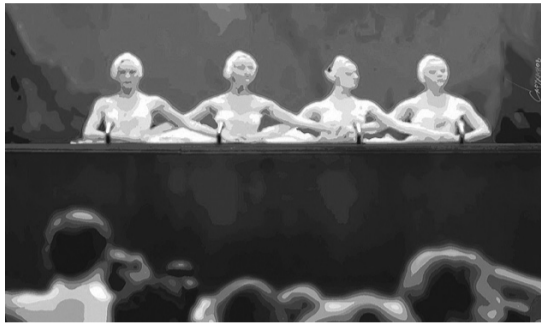
На уточняющий вопрос, говорил ли он командующим о болезни президента, Варенников ответил категорически: «Нет».

Однако, будучи уличенным показаниями свидетеля В.В. Скокова, он вынужден был изменить свои показания:

«Да, возможно, я говорил, что мы были у Горбачева, что Михаил Сергеевич чувствует себя неважно...» (Т. 102, л.д. 149–157.)

← СТРАНИЦЫ 4-5

КООПЕРАТИВ «ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО»

В.В. Скоков, командующий Прикарпатским военным округом, пояснил следующее:

«<...> Варенников сообщил, что сейчас были у Горбачева, что он очень болен, выглядит ужасно. Временно исполняет обязанности Янаев. В такой обстановке не исключено, что 19.08 может быть введено чрезвычайное положение <...>» (Т. 51, л.д. 217.)

Показания свидетеля Скокова подтвердил и свидетель В.Н. Чернавин, главнокомандующий Военно-Морским Флотом СССР. Он пояснил, что 18 августа ему позвонил Язов и приказал ему встретиться на аэродроме Бельбек с Варенниковым, который прилетит туда около 17 часов. Он, Чернавин, приехал на аэродром. Там ему сказали, что Варенников уехал, но должен вернуться, так как его ждут несколько командующих округов и главком артиллерии Михалкин.

Около 19 часов приехали на машинах Варенников, Бакланов, Плеханов, телохранитель Горбачева Медведев и другие лица.

Когда все прибывшие, кроме Варенникова, улете-ли, последний позвал его, Чернавина, и заместителя министра внутренних дел Громова и сказал им следующее: «<...> Горбачев серьезно болен, видимо какое-то время не сможет исполнять свои обязанности, работать, не исключено, что обязанности Президента страны временно будет исполнять Вице-президент Янаев. В связи с тем, что в стране крайне тяжелое положение в промышленности, в сельском хозяйстве, происходят серьезные межнациональные конфликты, не исключено, что в некоторых регионах страны будет введено чрезвычайное положение <...>» (Т. 51, л.д. 137.)

Первый заместитель министра внутренних дел СССР Б.В. Громов подтвердил обстоятельства встречи с Варенниковым. По его словам, находясь на отдыхе в Крыму, он по просьбе Варенникова приехал 18 августа 1991 года на аэродром Бельбек.

Варенников, подъехавший туда же вместе с Баклановым, Шениным, телохранителем Горбачева Медведевым и другими лицами, сказал ему, что обстановка в стране обострилась, и предложил лететь на самолете министра обороны в Москву. Однако он, Громов, ответил Варенникову, что у него есть свой министр, который в случае необходимости отзовет его из отпуска. (Т. 92, л.д. 125.)

Начальник ракетных войск и артиллерии В.М. Михалкин о цели и содержании проведенного на Бельбеке совещания пояснил следующее: «<...> Варенников сразу начал с того, что сообщил, что они приехали от Президента Горбачева. Президент очень болен, очень сильный радикулит и что-то серьезное с внутренними органами. Затем Варенников сказал: «Если на днях будет подписан Союзный договор в таком виде, в каком он есть, то означает окончательный развал Союза. Завтра с 6 до 9 часов должно быть введено чрезвычайное положение <...>» (Т. 51, л.д. 197.)

Другой участник совещания, командующий Киевским военным округом В.С. Чечеватов, об этом событии рассказал так: «<...> Зайдя в комнату, Варенников без каких-либо предисловий сказал, что Президент Горбачев болен, даже что у него что-то не

в порядке внутри. Вице-президент Янаев допущен к временному исполнению обязанностей Президента. В связи с этим в стране могут возникнуть непредвиденные обстоятельства, различные осложнения, в связи с чем в военных округах необходимо обеспечить четкий порядок, усилить охрану военных объектов, не допустить различного рода провокаций, обеспечить четкую дисциплину и правопорядок, усилить контроль за личным составом, не допустить дезертирства военнослужащих. Варенников находился в напряженном, озабоченном состоянии <...>» (Т. 111, л.д. 112–113.)

Командующий Северо-Кавказским военным округом Л.С. Шустко дал аналогичные показания: «<...> Варенников сначала переговорил о чем-то с Громовым и Чернавиным. После разговора с ними пригласил остальных в дом.

Там Варенников сообщил, что Горбачев болен, обстановка сложная, завтра будет введено чрезвычайное положение <...>» (Т. 51, л.д. 191.)

Командующий Черноморским флотом М.Н. Хронопуло, будучи допрошенным в качестве свидетеля, показал, что 18.08.91 года около 10.15 ему домой позвонил министр обороны СССР Язов и попросил встретиться на аэродроме Бельбек его первого заместителя Варенникова, а затем проводить его. Язов также сообщил, что из Москвы самолет вылетает в 13.00.

Около 14.00 ему же позвонил главнокомандующий Военно-Морским Флотом В.Н. Чернавин и сообщил, что министр обороны Язов предложил ему около 17.00 быть на аэродроме Бельбек, где необходимо встретиться с Варенниковым.

В 14.40 он, Хронопуло, прибыл на аэродром, где вместе с командиром полка ПВО Нецветаевым в 15.15 встретил Ту-154 с Варенниковым, Баклановым, Болдыным, Шениным, Плехановым и другими неизвестными ему гражданскими лицами. Часть из них куда-то сразу уехала.

После обеда в литерном домике около 15.50 Бакланов, Болдин, Шенин, Варенников, Плеханов на автомашине ЗИЛ и «Волга» 9-го управления КГБ СССР выехали на дачу М.С. Горбачева. Цель их поездки он не знал. Проводив их, он выехал в Севастополь за Чернавиным и вместе с ним возвратился на аэродром Бельбек. В литерном домике увидел командующих округами: ПрикВО — Скокова, КВО — Чечеватова, СКВО — Шустко, а также начальника артиллерии Михалкина и первого заместителя министра внутренних дел СССР Громова.

Около 19.00 на аэродром возвратились Бакланов, Болдин, Шенин, Варенников, Плеханов. Приехав, они сразу же направились к ожидавшему их самолету. Проводив их, Варенников возвратился. Подошли Громов и Чернавин. Переговорив с ними, Варенников ушел в литерный домик. Чернавин сообщил ему (Хронопуло), что М.С. Горбачев заболел и поэтому в отдельных районах страны, возможно, будут приниматься меры к повышению боеготовности. Попросив самолет для вылета на следующий день в Москву, Чернавин с аэродрома уехал.

Зайдя вместе со Скоковым, Шустко, Чечеватовым, Михалкиным в литерный домик, он выслушал ин-структаж Варенникова, раздавшего им ксерокопии

Закона «О правовом режиме чрезвычайного положения». Варенников заявил, что в случае беспорядков в отдельных районах будет вводиться чрезвычайное положение. О создании ГКЧП речи не было. Конкретной задачи Варенников ему, Хронопуло, не ставил. Беседа длилась 7–10 минут, а затем Варенников распорядился, кто из них куда должен лететь. Сам Варенников улете-л в Киев. (Т. 50, л.д. 3–8.)

Таким образом, дезинформировав командующих военными округами относительно состояния здоровья М.С. Горбачева, Варенников подготовил их к действиям в условиях чрезвычайного положения, что входило в планы захвата власти.

В дополнение к мероприятиям по изоляции президента СССР Плеханов распорядился отправить с аэродрома резервный президентский самолет, оборудованный специальной связью. На вопрос следователя, зачем это было сделано, Плеханов ответил следующим образом: «<...> Самолет Ту-134 вылетел в Москву по моему указанию, так как я считал, что в нем нет необходимости <...>» (Т. 5, л.д. 62–70.)

С этим доводом можно согласиться, но только с оговоркой: сделав все, чтобы исключить возможность возвращения президента СССР в Москву, Плеханов действительно считал, что самолет М.С. Горбачеву не потребуется.

Допрошенный по этим обстоятельствам бывший министр гражданской авиации Б.Е. Панюков показал: «<...> Во время отдыха Президента, а ранее Генерального секретаря ЦК КПСС в Крыму на Бельбеке всегда постоянно находился резервный самолет. Так было при Горбачеве, так было и до него. Распорядилось этим самолетом 9 управление. Команда Плеханова, как начальника 9 управления, в части самолета для нас была обязательная. <...> Я не помню случаев, чтобы когда-либо ранее самолет этот с Бельбека убирал так. <...>

<...> Утром 19 августа мне мой помощник Прозор сказал, что поступила команда из 9 управления на отправку этого самолета из Бельбека в Москву. <...> Я ему сказал, что колъ поступила такая команда, то необходимо выполнять. <...>» (Т. 8, л.д. 203.)

Свидетель В.В. Прозор, на которого сослался свидетель Панюков, показал, что утром 19 августа 1991 года из 9-го управления КГБ СССР (служба охраны) ему поступила команда убрать самолет Ту-134 с аэродрома Бельбек в Москву. Звонил дежурный 9-го управления. Получив команду, Прозор позвонил на центральный командный пункт (ЦКП) войск ПВО и сказал, чтобы отдали команду о вылете. Однако самолет не вылетал, и ему вновь пришлось звонить на ЦКП. Дежурный ответил, что для вылета самолета с аэродрома Бельбек нужно разрешение начальника Генштаба Моисеева. Прозор доложил об этом министру Т.А. Панюкову.

Позже Прозору позвонил заместитель Моисеева и сообщил, что команда на вылет самолета дана. (Т. 114, л.д. 221–222.)

Свидетель С.В. Галузин, командир президентского самолета, дежурившего на аэродроме Бельбек,

ДОЛЖИТ ВОЗВРАТУ НЕ ПОЗДНЕЕ 6 СУТОК
в ЦК КПСС (Общий отдел, IV сектор)

(763)
СЕКРЕТНО
Снятие копий запрещается

Кому послана Т.Т.Купцову, Прокофьеву, Балашову,
Бабичеву, Власову, Дегтяреву, Кручине, Лаптеву, Махову,
Михайлову, Рябову, Скибе, Рыжову

КОПИЯ ИСХОДЯЩЕЙ ШИФРТЕЛЕГРАММЫ № 215/ш

ПЕРВЫМ СЕКРЕТАРЯМ ЦК КОМПАРТИЙ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК,
РЕСКОМОВ, КРАЙКОМОВ, ОБКОМОВ ПАРТИИ

В СВЯЗИ С ВВЕДЕНИЕМ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПРИМИТЕ МЕРЫ
ПО УЧАСТИЮ КОММУНИСТОВ В СОДЕЙСТВИИ ГОСУДАРСТВЕННОМУ КОМИТЕТУ
ПО ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ В ССРС.
В ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ КОНСТИТУЦИЕЙ
СОЮЗА ССР.

О ПЛЕНУМЕ ЦК И ДРУГИХ МЕРОПРИЯТИЯХ СООБЩИМ ДОПОЛНИТЕЛЬНО.

СЕКРЕТАРИАТ ЦК КПСС

Отпечатана в одном экз. Подлинник хранится в ЦК КПСС (Общий отдел, IV сектор).

Отправлена

Дежурный IV сектора:

Н. Белов (Н. Белов)

«19» августа 1991 г. 10 час. 50 мин.

показал, что 19.08.91 года он должен был вылететь в Москву с президентом СССР и сопровождающими его лицами, так как предстояло подписание Союзного договора. 18.08.91 года около 19.00 ему в гостиницу позвонил начальник управления охраны Плеханов и сообщил, что 19.08.91 года за президентом прилетит самолет Ил-62. В связи с этим вертолет Ми-8 и самолет Ту-134, дежурившие на аэродроме, не нужны и могут сейчас же улететь. После этого Галузин позвонил диспетчеру авиаотряда, но тот никакими новыми данными не располагал и указание не подтвердил. Поэтому экипажи остались на аэродроме Бельбек.

19 августа 1991 года в 11.30 ему, Галузину, стало известно, что начальник Генштаба Министерства обороны СССР разрешил им вылет в Москву. Потом поступило указание взять на борт 8 человек. Около 19.00 на рафике и двух «Волгах» приехали пассажиры. Сопровождавший их сотрудник КГБ сказал, что полетят 14 человек.

Представитель особого отдела пофамильно, по списку проверил улетающих и членов экипажа, проверил самолет. Потом от самолета были убраны блокировавшие его автомашины, и он вылетел в Москву. (Т. 51, л.д. 182—187.)

Свидетель В.И. Власов, командир вертолета Ми-8, дежурившего 18—19 августа 1991 года на аэродроме Бельбек, показал, что при нахождении президента на отдыхе в Крыму дежурят два экипажа: вертолета и самолета. В их задачу входит вылет по заданию президента СССР. В этот период они проживают в гостинице при аэродроме Бельбек.

18 августа 1991 года от командира дежурного самолета Галузина Власову стало известно, что начальник службы охраны Плеханов дал команду на вылет в связи с их ненадобностью. Поскольку Плеханов не являлся непосредственным начальником членов экипажей, они решили позвонить в Москву диспетчеру авиаотряда. С этой целью Галузин уехал на аэродром. Вернувшись назад, он сообщил, что никаких изменений диспетчер не сделал. Поэтому они остались на аэродроме.

19 августа им стало известно о введении чрезвычайного положения в стране. Поскольку в тот день предполагалась их плановая замена, технический состав уехал на аэродром готовить вертолет к вылету. Минут через 40 уехавшие возвратились и сообщили, что охрана аэродрома к вертолету их не допустила, сославшись на какой-то приказ. Около 12.00 того же дня к гостинице подъехал командир полка Рощин и сообщил, что имеется разрешение на вылет по мере готовности. Когда они приехали на аэродром, дежурный сказал, что вылет вертолета отменяется. В отношении самолета разрешение на вылет осталось в силе. В 19 часов этого же дня после проверки документов и посадки пассажиров с аэродрома Бельбек вылетел самолет Галузина. Экипаж вертолета вылетел на Симферополь в 21 час. Вылетел без пассажиров. (Т. 51, л.д. 175—177.)

Свидетель С.Г. Нецветаев, командир 62-го авиационного полка ПВО, дислоцированного на Бельбеке, показал: «18 августа вечером, около 19.00, к литерному домику на трех-четыре «Волгах» подъехали Варенников, Бакланов и другие. Варенников с командующими воен-

ных округов зашел в него. Находились они там 30—40 минут». О чем говорили, Нецветаев не знает.

Около 20.30 самолет Ту-154 вылетел в Москву. В нем находились люди, ранее прилетевшие с Варенниковым. С промежутками около 5 минут за ним вылетели три Ту-134 с командующими округами. Все самолеты взяли курс на те аэродромы, откуда они прилетели. Варенников улетел в Киев с командующим Киевским военным округом. Проводив самолеты, уехал Хронопуло.

Возвратившись в литерный домик, Нецветаев увидел там командира президентского самолета Галузина и его оператора по связи. Они пытались дозвониться в Форос, Симферополь или Москву, но связи не было. Галузин сообщил, что человек, с которым он соединял его по телефону, назвавшись Плехановым, сказал, что они могут быть свободны и должны лететь домой. Поскольку экипаж Ту-134 19 августа 1991 года должен был обеспечить вылет президента М.С. Горбачева в Москву для подписания Союзного договора, то выполнить такое указание они не решились, не прояснив обстановку.

Наутро, 19 августа 1991 года, оперативный дежурный штаба армии ПВО подполковник Терехин передал ему приказ министра обороны СССР Язова о закрытии аэродрома Бельбек, запретив там посадку и взлет каких бы то ни было воздушных судов. Терехин также дал указание связаться с начальником штаба войск ПВО генералом Бородулиным.

Около 8.00 Бородулин подтвердил приказ о закрытии Бельбека на взлет и посадку, указав, что прием и отправка самолетов возможны только по разрешению министра обороны.

Около 8.30 от командира корпуса ПВО полковника Торопчина поступила команда дополнительно к имеющимся дежурным экипажам истребителей подготовить еще два.

В 8.53 Торопчин дал ему (Нецветаеву) указание заблокировать находящийся на аэродроме Бельбеке резервный президентский самолет и вертолет. Аналогичное указание дал и генерал Бородулин.

Исполняя полученные указания, он передал Галузину информацию о закрытии аэродрома и попросил находиться в профилактории. В целях воспрепятствования несанкционированному взлету и посадке самолетов в 10.18 в начале и в конце взлетно-посадочной полосы были выставлены автомашины СКП-9 (стартово-командный пункт), оборудованные связью с руководителем полетов, что давало возможность быстро выехать и заблокировать полосу. Саму ВПП не перекрывал, так как полк несет круглосуточное боевое дежурство. По его команде между 10 и 11 часами президентский резервный самолет Ту-134 и вертолет Ми-8 были заблокированы на стоянке двумя машинами КПМ (комбинированная полевая машина). Самолет Ту-134 находился за веревочным ограждением, одна машина КПМ была поставлена перед самым его носом. Вторая машина КПМ перекрывала выезд с 4-й рулежной дорожки.

На схеме к протоколу своего допроса свидетель С.Г. Нецветаев изобразил места расположения самолета и вертолета, блокировавших их машины КПМ, а также места расположения машин СКП-8. (Т. 50, л.д. 49—64.)

Свои показания свидетель Нецветаев уточнил и конкретизировал на месте при воспроизведении обстановки. Он показал также, что по сигналу «Капкан» на аэродроме были бы также выведены из действия рулежные дорожки, что препятствовало выезду на взлетно-посадочную полосу. (Т. 51, л.д. 114—117.)

Свидетель А.Е. Николаев, дежуривший на командном пункте армии ПВО в Киеве, показал, что 19 августа в 8.30 ему позвонил старший помощник начальника управления истребительной авиации 60-го корпуса Карамелев и доложил, что в Бельбеке в боеготовность, кроме имеющихся, приведено еще два самолета. (Т. 50, л.д. 99—100.)

В 8.52 начальник главного штаба войск ПВО генерал-полковник Мальцев передал оперативному дежурному армии ПВО в Киеве приказ заблокировать ВПП (взлетно-посадочную полосу) в Бельбеке, выставив на нее тягачи, и усилить охрану резервного самолета Ту-134 и вертолета Ми-8. Оперативный дежурный армии ПВО в Киеве подполковник Терехин передал этот приказ оперативному дежурному корпусу ПВО в Одессе.

Это подтвердил при допросе свидетель А.В. Чичин, заступивший 19 августа оперативным дежурным по армии ПВО. Он показал, что когда в 8.55 прибыл в зал боевого управления, дежурный Терехин сообщил ему об этих звонках. (Т. 50, л.д. 87—93.)

← СТРАНИЦЫ 6-7

КООПЕРАТИВ «ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО»

Обстоятельства блокирования самолета Ту-134 и вертолета Ми-8 подтверждаются показаниями водителя автомобиля ЗИЛ-130 (КПМ) В.А. Фортового, из которых следует, что 19 августа по приказу командира полка Нецветаева он поставил свою машину поперек 4-й рулежной дорожки непосредственно при выезде на взлетную полосу. Вторая аналогичная автомашина, водителем которой был сержант Холкин, была выставлена таким образом, что оказалась между самолетом и вертолетом. На этих местах Нецветаев с Холкиным простояли до 18–19 часов. Через полтора часа им приказали сесть в машины и при попытке самолета или вертолета взлететь препятствовать этому вплоть до тарана. (Т. 51, л.д. 85–87.)

Команды о закрытии аэродрома Бельбек, блокировании ВПП неоднократно дублировались. Свидетель Чичин, который был оперативным дежурным по армии ПВО в Киеве, показал, что в 9.58 от дежурного генерала ЦКП (центральный командный пункт) войск ПВО Ясинского из Москвы получил команду о том, чтобы все воздушные суда принимать на аэродром Бельбек и выпускать только с его личного разрешения. Эту команду Чичин занес в рабочую тетрадь № 773 (лист 87). Около 10 часов Ясинский проинформировал его, что дал команду непосредственно командиру полка в Бельбеке Нецветаеву о блокировании тягачами ВПП и усилении охраны. В 10.24 позвонил оперативный дежурный корпуса полковник Лунев и доложил, что ВПП аэродрома Бельбек заблокирована двумя тягачами. Доклад он зафиксировал в тетради № 773 (лист 87). (Т. 50, л.д. 87–93.)

Свидетель Б.Ф. Абдышев также рассказал о блокировании президентского самолета и вертолета.

В рабочих тетрадях подразделений ПВО №№ 724, 773, 775, 810, 830, осммотренных 28 ноября 1991 года, обнаружены записи, объективно подтверждающие показания свидетелей о закрытии аэродрома и блокировании на нем самолета Ту-134 и вертолета Ми-8.

Свидетель Нецветаев о дальнейшем развитии событий на аэродроме Бельбек 19 августа 1991 года показал следующее. В 10.40 ему с ЦКП войск ПВО в Москве позвонил дежурный — генерал Ясинский — и от своего имени отдал приказ готовить самолет на вылет, при этом указав, что на борту Ту-134 полетит группа полковника Васильева в количестве 10 человек. Кроме них, лететь не должен никто. Ясинский назвал фамилии членов группы, приказал перед вылетом проверить у всех документы. В 13 часов экипажи доложили о готовности к вылету. Около 17 часов к литерному домику на трех автомобилях «Волга» подъехали четыре человека: Губернаторов, Козлов, Сорокина и Александра. В списках их не было, поэтому им предложили решать все вопросы с полковником Васильевым. В 18.20 прибыла группа Васильева. После разрешения в 18.40–18.45 он (Нецветаев) выдал экипажу оружие и документы (шифровальные таблицы и кодовые блокноты). Аппаратура спецсвязи с самолета не снималась. В 19.38 самолет Ту-134 вылетел на Внуково. Перед отправкой Нецветаев лично еще раз проверил документы всех членов экипажа и пассажиров. В 21.00 вертолет Ми-8 вылетел на Симферополь и в 21.21 произвел там посадку. (Т. 50, л.д. 49–63.)

Данные обстоятельства подтверждаются показаниями свидетелей: А.В. Чичина (оперативного дежурного по армии ПВО в Киеве, дежурившего с 9.00 19 августа до 9.00 20 августа 1991 года) и Э.Н. Ясинского (дежурного центрального командного пункта войск ПВО). (Т. 50, л.д. 87–93, 156–157.)

Об этом же дали показания свидетели В.П. Степкин (т. 50, л.д. 65–66) и Мельников С.Д. (т. 50, л.д. 67–70).

Свидетель А.С. Паньков, сотрудник особого отдела КГБ, старший оперуполномоченный в/ч 32436, показал, что 19 августа 1991 года, прибыв на аэродром Бельбек, узнал от Нецветаева, что вылет президента СССР в Москву отменен. Вечером его самолет был отправлен в Москву с группой полковника Васильева. Позднее с аэродрома улетел на базу и Ми-8. (Т. 51, л.д. 74–77.)

Группа сотрудников Генерального штаба ВС СССР во главе с полковником В.Т. Васильевым обеспечивала президенту СССР во время его нахождения на отдыхе в Крыму возможность осуществления его полномочий, связанных с использованием стратегических ядерных сил. Технически это осуществлялось с помощью системы связи «Кавказ-7». В комплексе мероприятий по изоляции М.С. Горбачева были отключены и эти каналы, так как через них президент СССР мог бесконтрольно со стороны УПС КГБ связаться с любым абонентом.

Свидетель В.А. Кириллов — оператор 9-го управления Главного оперативного управления Генштаба — показал, что 18 августа 1991 года с Антиповым и Мироновым дежурил в специально отведенном для их группы помещении в административно-служебном корпусе объекта. Служба проходила как обычно, в нормальном режиме. В 16.32 они обнаружили, что пропали все виды связи (спецсвязь, городская, АТС, правительственная, внутренняя с охраной). Кроме того, перестал работать телевизор.

В 16.40 Генералов им сообщил, что старшего дежурной группы вызывает Варенников. При встрече с ним Варенников спросил, в каком состоянии находится узел связи министерства обороны. Он, Кириллов, ответил, что связи нет. Варенников ответил, что так и должно быть. Узел связи должен быть выключен.

Примерно в 17.15 Кириллов подошел к Плеханову и спросил, что происходит. Тот ответил, что происходящее их не касается.

Кириллов проверил прямую связь с президентом. Этой связи тоже не было. (Т. 44, л.д. 236–242.)

Свидетели В.В. Миронов и И.Н. Антипов также подтвердили отключение всех видов связи, в том числе и спецсвязи по каналу «Кавказ-7». (Т. 44, л.д. 247–253, 257–264.)

Свидетель В.Ю. Поверин, непосредственно отключавший на станции связь стратегического направления Министерства обороны с объекта «Заря», пояснил, что он с Ниловым производил отключение всех подряд секретных линий связи, т.к. ни о каких исключениях указаний не поступало. (Т. 45, л.д. 77–78.)

Свидетель Б.А. Нилов подтвердил, что, выполняя полученные распоряжения, они с Повериным отключи-

ли все без исключения каналы связи с объектом «Заря». (Т. 43, л.д. 86–100.)

Свидетель Парусников, давая пояснения об отключении связи, показал, что он и подчиненные ему сотрудники действовали в соответствии с полученными от Глуценко и Плеханова указаниями. На объекте «Заря» подлежали отключению все виды связи. Он подчеркнул, что каналы связи «Кавказ-7» были отключены потому, что соединения по ним не могли контролироваться УПС. (Т. 45, л.д. 50–59.)

Узнав утром 19 августа о том, что отключенная аппаратура президентской стратегической связи осталась в Форосе, министр обороны Д.Т. Язов распорядился незамедлительно вывезти ее в Москву.

Данное обстоятельство подтвердил допрошенный в качестве свидетеля В.Г. Денисов, являвшийся начальником ГОУ Генерального штаба ВС СССР. (Т. 105, л.д. 154–170.)

Свидетель В.Т. Васильев, заместитель начальника 9-го управления Главного оперативного управления Генштаба ВС СССР, пояснил, что подчиненная ему группа обеспечивала стратегической связью президента СССР во время его нахождения на отдыхе в Крыму.

В оперативном подчинении у службы охраны они не находились, а лишь согласовывали с сотрудниками госбезопасности вопросы допуска на объект, передвижения т.д.

Им было известно, что 19 августа 1991 года они должны были быть готовыми к отъезду из Крыма.

Утром 19-го он поехал на объект произвести смену операторов, но его туда не пропустили. Полковник-пограничник на внешних воротах сказал, что Генералов распорядился вернуться к месту дислоцирования — Алупку — и там ждать.

Около 11 часов Васильеву позвонили по городскому телефону и сказали, что с ним будет разговаривать Генералов. Однако говорил Глуценко, представившийся заместителем по связи. Глуценко сказал, что по указанию председателя КГБ СССР Крючкова и начальника управления Генштаба Болдарева (кому непосредственно подчинен Васильев) необходимо забрать с объекта смену операторов и аппаратуру стратегической спецсвязи.

Переговорив с Болдаревым, Васильев вновь связался с Глуценко, который сообщил, что разрешение Генералова на вывоз аппаратуры и операторов получено.

Забрав аппаратуру и личный состав группы, Васильев приехал на аэродром Бельбек, откуда на самолете Ту-134 они вылетели в Москву. (Т. 44, л.д. 206–215.)

В процессе следствия была проведена судебно-техническая экспертиза, которая пришла к следующему выводу: «<...> отсутствие в месте пребывания Президента СССР (на даче в Форосе) засекреченной правительственной связи и телекодовой связи системы «Казбек» («Кавказ-7») лишило его технической возможности выдать приказ и санкцию на применение стратегических ядерных сил СССР с 17 час. 20 мин. 18.08.91 года до 18 час. 00 мин. 21.08.91 года <...>» (Т. 105, л.д. 267–271.)

Сам президент, отвечая на вопросы, связанные с отключением стратегической связи, так оценил последствия этих действий: «<...> после отключения всех видов связи и потери контакта с Генеральным штабом офицеры, обслуживающие «ядерный чемоданчик», видимо, действуя согласно своим инструкциям, уничтожили шифрованные коды, после чего аппаратура, ставшая бесполезной, ими была вывезена в Москву.

А последствия таковы.

Глава государства, в течение 73 часов находясь в полной изоляции, был лишен возможности осуществлять свои полномочия в этой области, то есть правомерное решение вопросов, связанных с использованием стратегических ядерных сил, было исключено. «Ядерная кнопка» на это время оказалась в руках группы авантюристов, захвативших власть <...>» (Т. 130, л.д. 146–149.)

Эта оценка полностью соответствует выводам экспертов.

Таким образом, действия участников заговора при захвате власти были сопряжены с ущербом не только государственной безопасности, но и обороноспособности страны.

Свидетель А.С. Черняев показал, что по его требованиям Генералов 19.08.91 года отправил в Москву на «военном» самолете (резервном президентском Ту-134) референта Т.А. Александрову. На том самолете летела группа связистов полковника Васильева и везли груз — аппаратуру стратегической связи.

Кроме того, по словам Черняева, на том же самолете улетел один сотрудник охраны президента СССР (Губернаторов), перенесший операцию по удалению аппендицита. (Т. 31, л.д. 105–129.)

Свидетель Т.А. Александрова показала, что во время работы в Крыму, где отдыхала семья Горбачевых, она жила не в Форосе, а в близлежащем санатории.

18 августа 1991 года у нее был выходной, а Черняев и Ланина во второй половине дня поехали в Форос. Вскоре перестали работать телефоны, кроме внутрисанаторных. Черняев и Ланина с Фороса ночевать в санаторий не вернулись. С ними по телефону связаться было нельзя. Что происходит, ей известно не было.

Утром 19 августа, включив телевизор, она узнала о том, что власть перешла к Янаеву, что Горбачев якобы болен. Зная наверняка, что Михаил Сергеевич здоров, она поняла, что это переворот.

Днем, примерно в 14.30, к ней в номер пришли двое мужчин. Один из них — водитель, ранее возивший их на работу в Форос. Он предложил ей собрать вещи — свои,

Ланиной и Черняева. При этом ей было сказано, чтобы она собиралась быстрее, поскольку ее ждет самолет.

Улетала она на самолете Ту-134. В салоне, где она сидела, были еще Сорокина, врач и один из сотрудников охраны. В другом салоне летели военные — человек десять. (Т. 31, л.д. 157–158.)

План захвата власти в стране основывался на создании видимости правомерности действий ГКЧП, поэтому вопросы изоляции президента СССР находились под постоянным контролем участников заговора и принимались дополнительные меры, исключавшие его освобождение.

20 августа 1991 года Варенников по телефону дал указание командующему Черноморским флотом Хронопуло усилить охрану аэродрома Бельбек. В свою очередь Хронопуло эту задачу поставил перед начальником береговых войск Черноморского флота Романенко.

В тот же день в 21.30 командир в/ч 99732 Рожманов через оперативного дежурного в/ч 13140 (бригада морской пехоты) получил распоряжение о направлении на аэродром Бельбек роты морской пехоты.

В 22.28 морские пехотинцы (41 человек, из них четыре офицера и четыре прапорщика) на восьми бронетранспортерах с полным вооружением и боезапасом начали выдвижение в район аэродрома. Туда же прибыли Рожманов и офицер штаба Ковтуненко, которым надлежало координировать действия с командованием аэродрома и 62-го авиационного полка ПВО.

Прибыв на аэродром, Ковтуненко и Рожманов встретились с Нецветаевым и решили с ним все вопросы, связанные с рассредоточением личного состава для выполнения поставленной задачи.

Около 9 часов 21 августа 1991 года в соответствии с указаниями Варенникова, поступившими накануне, командир бригады морской пехоты (в/ч 13140) Кочетков отдал распоряжение командиру отдельного разведывательного батальона (в/ч 63963) Грошеву о приведении части в боеготовность и отправке на аэродром Бельбек. В 11.20 разведбат (84 человека на семи БРДМ) с полным вооружением покинул место своей дислокации и в 13.00 прибыл на аэродром.

Перед ротой Оноприенко и разведбатом Грошева была поставлена задача оборонять аэродром. В случае несанкционированной посадки самолетов надлежало блокировать их, выяснить, кто и зачем прилетел, после чего предложить прибывшим сдаться. В случае отказа или вооруженного сопротивления — по дополнительной команде уничтожить.

Была разработана и доведена до личного состава таблица условных сигналов.

Кроме того, на аэродром прибыл и был размещен вместе с ротой Оноприенко противотанковый дивизион — в/ч 63855 (65 человек с вооружением и боезапасом). Действовать личный состав дивизиона должен был вместе с подразделениями Оноприенко и Грошева.

Изложенное подтверждается следующими доказательствами.

Свидетель Хронопуло в этой части показал, что 20 августа 1991 года около 21.00 ему позвонил Варенников и дал указание об усилении охраны и обороны аэродрома Бельбек. Мотивировал он это целью предупреждения возможной посадки самолета с группой захвата. Соответствующее распоряжение Хронопуло отдал начальнику береговых войск Черноморского флота генерал-майору Романенко. (Т. 50, л.д. 3–8.)

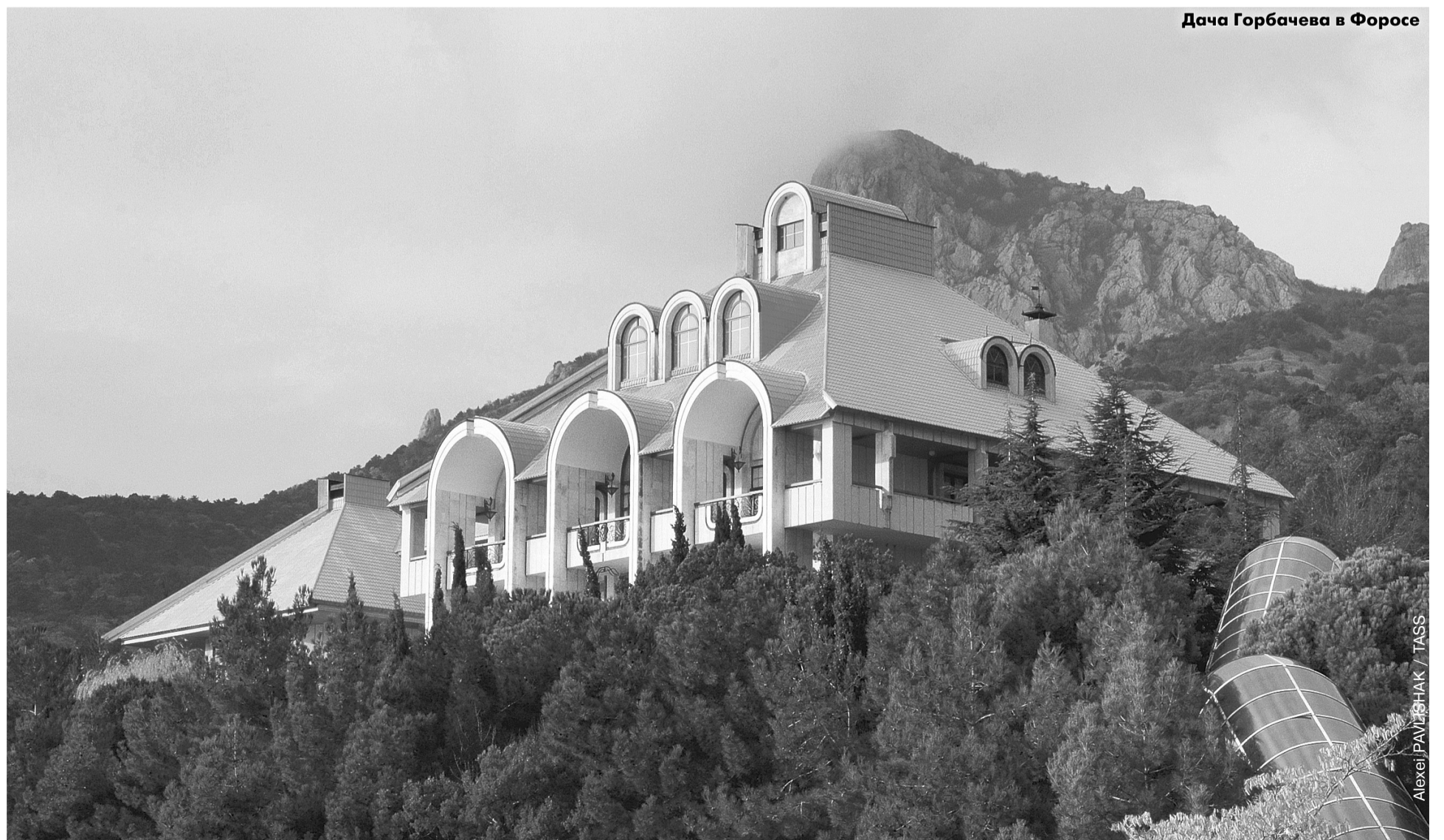
Свидетель В.И. Романенко пояснил, что 19 августа 1991 года около 8.00 от начальника штаба Черноморского флота получил распоряжение о приведении береговых войск в повышенную боеготовность, а также об усилении охраны объектов флота. К числу таких объектов относится и аэродром в Бельбеке. Эту команду он передал командиру бригады морской пехоты полковнику Кочешкову, в том числе о приведении в [2]0-минутную готовность 1-го батальона морской пехоты.

20 августа 1991 года около 20.00 он получил указание командующего флотом о выделении роты морской пехоты для охраны и обороны аэродрома Бельбек. Соответствующее распоряжение он передал в в/ч 13140. Утром следующего дня Хронопуло по телефону уточнил, что на аэродроме Бельбек ожидается посадка самолета с группой захвата, которую в случае вооруженного сопротивления по дополнительной команде следует уничтожить. (Т. 50, л.д. 13–23.)

Свидетель А.Н. Ковтуненко показал, что по распоряжению начальника береговых войск Черноморского флота Романенко 20 августа 1991 года около 22 часов он вместе с 3-й ротой морской пехоты направился на аэродром Бельбек с задачей обеспечить его охрану и оборону. Прибыв в 23.45 на аэродром, он совместно с командиром полка ПВО Нецветаевым расставил там посты.

Он также пояснил, что при посадке на аэродром каждого самолета от Романенко поступала команда «приготовиться к работе». И только после решения командования ПВО о принятии самолета следовала команда «отбой». (Т. 50, л.д. 43–48.)

СТРАНИЦЫ 10-11 ⇨

Дача Горбачева в Форосе

↩ СТРАНИЦЫ 8-9

КООПЕРАТИВ «ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО»

Свидетель А.Н. Кочешков пояснил, что 21.08.91 года вместе с Романенко и другими офицерами штаба береговых войск и бригады морской пехоты прибыл на военный аэродром Бельбек. Здесь на стартовом командном пункте Романенко поставил подчиненным ему подразделениям задачу по охране и обороне аэродрома, в том числе блокированию самолетов в случае их несанкционированной посадки, а при вооруженном сопротивлении — уничтожению по дополнительной команде. (Т. 50, л.д. 117–123.)

Свидетель Ю.В. Грошев рассказал, что 21.08.91 года около 13.00 подчиненная ему часть прибыла на аэродром Бельбек, где была рассредоточена вдоль взлетно-посадочной полосы с задачей охраны и обороны аэродрома. Они должны были быть в готовности к захвату вооруженной группы, которая могла прибыть на аэродром. В случае остановки самолета-нарушителя в районе расположения батальона его подразделения должны были действовать по команде. (Т. 51, л.д. 1–9.)

Свидетель А.Б. Кочетков показал, что 21.08.91 года по указанию начальника политотдела части он прибыл на аэродром Бельбек. Здесь по распоряжению комбрига Кочешкова он должен был при необходимости через звуковещательную станцию провести переговоры с группой, которая могла бы высадиться на аэродроме. Прибывшим следовало предложить сдаться, а в случае отказа и оказания сопротивления — уничтожить. (Т. 50, л.д. 137–144.)

Свидетель С.Г. Нецветаев пояснил, что в ночь на 21.08.91 года по согласованию с начальником штаба Черноморского флота на аэродром Бельбек прибыла рота морских пехотинцев под командованием старшего лейтенанта Оноприенко. Старшим от штаба бе-

реговых войск был полковник Ковтуненко. Роте была поставлена задача нести охрану и оборону аэродрома.

Утром 21.08.91 года на аэродром приехал генерал-майор Романенко. Последний уточнил, что в задачу подразделений морской пехоты входит не только оборона аэродрома, но и захват вооруженной группы, прилет которой ожидался. Для выполнения этой задачи дополнительно прибыл батальон морской пехоты. В дальнейшем по командам штабов армии ПВО из г. Киева и корпуса ПВО из г. Одессы на аэродроме были приняты самолеты. На первом из них прибыл министр обороны СССР и члены ГКЧП, а на третьем — члены российского правительства.

Команды, поступавшие из штаба, и разрешение на посадку этих самолетов он передавал командованию морской пехоты, после чего личному составу давалась команда «отбой».

Нецветаев также пояснил, что по командам штаба ПВО взлетно-посадочная полоса дважды блокировалась автомашинами, в том числе перед посадкой первого и третьего самолетов. Это делалось, чтобы не допустить последующих возможных несанкционированных посадок самолетов. (Т. 50, л.д. 49–63, 64.)

Свидетели С.В. Голотин, Ю.Л. Загоруй, В.Б. Дрозд подтвердили эти показания, пояснив, что 21.08.91 года около 18.30 закрепленными за ними специальными автомашинами они по указанию командира полка ПВО Нецветаева в течение 15 минут блокировали взлетно-посадочную полосу. Головин и Быченков также блокировали ВПП сразу после посадки первого самолета Ил-62. (Т. 51, л.д. 88–89, 90, 92–93.)

При воспроизведении обстановки и обстоятельств событий, имевших место 21.08.91 года на аэродроме Бельбек, установлено, каким образом по сигналу «капкан» блокировалась взлетно-посадочная полоса

и рулежные дорожки аэродрома, какие перемещения личного состава и техники осуществлялись после поступления соответствующих команд. (Т. 51, л.д. 107–110, 114–117, 118–134.)

О ситуации на аэродроме, о поступавших командах и их цели свидетель Г.Г. Филиппов показал следующее. 21.08.91 года он вместе с матросом Стюхиным был направлен в распоряжение комбрига Кочешкова. Приехали на аэродром Бельбек. На командном пункте Кочешков сообщил офицерам, что за Горбачевым должен прилететь самолет. Он же сказал, что на самолете может прилететь Б.Н. Ельцин с группой захвата в количестве 100–150 человек. В этом случае после приземления пассажирам будет дана команда «всем оставаться на своих местах». Если эта команда не будет выполнена и с самолета будет открыт огонь, то по его команде подразделения морской пехоты должны уничтожить этот самолет вместе с пассажирами. Во время этого разговора присутствовавшие смотрели телевизор. Они знали о происходящих в Москве событиях. Он, Филиппов, слышал эти разговоры, хотя находился за дверью помещения, в котором находились разговаривавшие офицеры. Ставя задачу командиру роты Оноприенко, Кочешков прямо сказал, что речь идет о блокировании самолета с Ельциным. Затем Кочешков поехал к офицерам роты Оноприенко и поставил им такую же задачу. Но здесь он уже не говорил, о каком самолете идет речь.

Затем в правительственном домике адмирал Хронопуло сообщил Романенко и Кочешкову, что возможен прилет самолета с Ельциным. Он же, то есть Хронопуло, дал команду отвести бронетехнику от взлетно-посадочной полосы, чтобы ее присутствием не провоцировать прилетевших на перестрелку. Технику отвели. Перед прилетом первого самолета по радиосвязи всем была подана команда «приготовиться к работе». Действиями подразделений руководил адмирал Хронопуло. После посадки этого самолета была дана команда «отбой». Затем ВПП заблокировали, чтобы исключить несанкционированную посадку другого самолета. Вместе с Кочешковым Романенко вновь поехал в правительственный домик. Хронопуло к тому времени уехал. Кочешков доложил Романенко, что поступил приказ разблокировать ВПП и готовиться к прилету самолета. Созвонились с Хронопуло, и тот подтвердил этот приказ. Он также дал команду убрать личный состав и технику, так как на этом самолете возможен прилет Силаева и Рущкого с группой для спасения президента СССР. Хронопуло также приказал технику и личный состав подразделений морской пехоты, задействованные на аэродроме Бельбек, после приземления членов российского правительства направить к месту постоянной дислокации.

Затем приземлился самолет с Силаевым, Рущким и сопровождением. Им подали машины, и они уехали. Команда «отбой» была дана после их отъезда. Получив команду, личный состав с техникой был построен в походные колонны за территорией аэродрома, а он, Филиппов, около 20 часов убыл с аэродрома вместе с Кочешковым.

О том, что планируется захват самолета с Ельциным, он, Филиппов, около 14 часов сообщил своему командиру взвода Саркияну. Говоря о возможном уничтожении самолета и прилетевших на нем лиц, Хронопуло

Взлётная полоса аэродрома «Бельбек», которая была заблокирована путчистами

подчеркивал, что такая команда будет им отдана лишь после получения соответствующей команды «сверху», то есть он действовал не самостоятельно. Днем 21.08.91 года, узнав из телепередач о том, что в Крым готовится вылет членов российского правительства, Кочешков сказал офицерам, что все они втянуты в «грязную игру». (Т. 51, л.д. 24–32.)

Свидетель А.С. Паньков, старший оперуполномоченный в/ч 32436, пояснил, что 21.08.91 года утром, приехав на аэродром, он услышал концовку инструктажа, который Романенко проводил на ЗСКП. Задача ставилась по охране и обороне аэродрома. Из услышанного он понял, что ожидается прибытие самолета с членами российского правительства. Если они окажут сопротивление, их следовало уничтожить. За 40 минут до посадки на аэродроме самолета с членами российского правительства прошла команда «отбой». После получения команды «отбой» все подразделения морской пехоты были отведены со своих позиций. (Т. 51, л.д. 74–77.)

Свидетель В.И. Оноприенко показал, что, прибыв со своей ротой в ночь с 20 на 21 августа 1991 года на аэродром Бельбек, имея задачей его охрану и оборону, совместно с командиром полка Нецветаевым они расставили посты.

21 августа 1991 года генерал-майор Романенко при уточнении задачи на ЗСКП сообщил, что ожидается прилет самолета с группой захвата. Самолет нужно будет блокировать, а в случае оказания вооруженного сопротивления прибывшими — по команде — уничтожить. Он также сообщил, что в помощь уже выдвигается разведывательный батальон. Какой самолет, что за группа захвата прилетит на нем, ему во время инструктажа не сказали. Личный состав был на бронетехнике, с полным вооружением и боеприпасами. Они заняли позиции согласно намеченному плану. Перед посадкой первого самолета по радио была дана команда «приготовиться к работе». Вскоре они узнали, что этим самолетом прилетел Язов. Затем поступила команда убрать бронетехнику и личный состав в ангары и не высываться. Слышал, что в это время сажались самолеты, но кто на них прилетал, ему известно не было. Из приказа знал, что личный состав должен уничтожить преступную группу. О том, что ожидается прилет Ельцина или членов российского правительства, не знал. По мере приземления самолетов по радио поступали команды «приготовиться к работе», а затем — «отбой». (Т. 50, л.д. 150–158.)

Согласно записям в журнале диспетчера в/ч 49222, самолет Ил-62 совершил посадку на аэродроме Бельбек 21 августа 1991 года в 16.08, самолет Ту-134 — в 16.34, самолет с представителями российского правительства — в 19.16. (Т. 50, л.д. 72.)

Свидетели А.А. Пулин (т. 51, л.д. 18–23), А.В. Баранов (т. 51, л.д. 10–17), А.Л. Саркисян (т. 51, л.д. 62–63) подтвердили обстоятельства прибытия на аэродром Бельбек. Кроме того, они пояснили, что на аэродроме беседовали с сержантом Филипповым, охранявшим Кочешкова. Филиппов сообщил, что подразделения морской пехоты предназначены для захвата и уничтожения членов российского правительства. Перед посадкой каждого из самолетов по радио подавались команды «приготовиться к работе», а затем — «отбой». После прилета российской делегации личный состав вывели и построили в походные колонны. Задача на обеспечение вылета президента СССР им не ставилась. К месту постоянной дислокации они убыли около трех часов ночи 22.08.91 года.

Участие М.Н. Хронополо, В.И. Романенко, А.И. Кочешкова, С.Г. Нецветаева в заговоре с целью захвата власти не установлено, поэтому уголовное дело в отношении их 23 декабря 1991 года прекращено.

Для правовой оценки их действий на аэродроме Бельбек уголовное дело в этой части выделено в самостоятельное производство и направлено по подследственности. (Т. 51, л.д. 234–258.)

Таким образом, установлено то, что участники заговора предусматривали возможность попытки прорыва блокады извне и освобождения президента СССР. Именно для предупреждения этого на аэродром в комплексе мероприятий по изоляции президента СССР были выдвинуты подразделения морской пехоты.

«КТО ЗДЕСЬ НАХОДИТСЯ, ВСЕ СОЖЖЕНЫ»

**В КАКОМ НАСТРОЕНИИ ЗАГОВОРЩИКИ СОВЕЩАЛИСЬ
В КРЕМЛЕ В НОЧЬ С 18 НА 19 АВГУСТА 1991 Г.**

ФРАГМЕНТЫ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПО «ДЕЛУ ГКЧП»

В процессе подготовки и реализации заговора с целью захвата власти его организаторами к участию в нем были привлечены А.И. Лукьянов, Г.И. Янаев, Б.К. Пуго, А.И. Тизяков и В.А. Стародубцев, каждому из которых отводилась определенная роль. В частности, Янаев после смещения М.С. Горбачева с поста президента СССР должен был взять на себя полномочия главы государства, а Лукьянов, пользуясь своим положением председателя Верховного Совета СССР, узаконить переход власти к ГКЧП и введение в стране чрезвычайного положения.

Участие в заговоре Тизякова и Стародубцева определялось их руководящими позициями в Ассоциации государственных предприятий и Крестьянском союзе, что, по мнению организаторов заговора, создавало условия для поддержки ГКЧП в этой среде.

Б.К. Пуго, являясь министром внутренних дел, наряду с Крючковым и Язовым располагал реальными силами и средствами для достижения поставленной цели — захвата власти и обеспечения режима чрезвычайного положения.

Как установлено расследованием, после телефонных разговоров с О.С. Шениным по его вызову утром 18 августа 1991 года рейсом 262 из Свердловска в Москву прилетел А.И. Тизяков.

Желая скрыть истинную причину своего приезда в Москву, А.И. Тизяков на протяжении ряда допросов заявлял, что прибыл для обсуждения 18 августа с премьер-министром СССР В.С. Павловым организационных вопросов перед проведением намечавшегося Всесоюзного собрания руководителей госпредприятий в г. Свердловске. Срочность поездки была вызвана якобы полученной от его знакомого, О.С. Белякова, информацией о предстоящем 20 августа отъезде Павлова в служебную командировку. (Т. 12, л.д. 11, 18, 26, 32–33, 221–224, 238–239.)

Данное утверждение А.И. Тизякова опровергается следующими доказательствами.

Свидетель О.С. Беляков, первый заместитель руководителя отдела по вопросам обороны и безопасности при президенте СССР, на допросе показал, что в указанное А.И. Тизяковым время по телефону с ним не разговаривал и о командировке В.С. Павлова ничего не знал (т. 16, л.д. 16–21).

Свидетель С.П. Кайсин, начальника отдела социального развития научно-производственного объединения «Машиностроительный завод им. Калинина» (ЗиК), пояснил, что совместно с А.И. Тизяковым он планировал выехать в Москву 20–21 августа для согласования в Кабинете министров СССР совместных мероприятий АГПО СССР и правительства по подготовке к проведению в середине сентября Всесоюзного собрания руководителей госпредприятий. Выезд А.И. Тизякова в Москву 18 августа был для Кайсина неожиданным. (Т. 18, л.д. 1–20, 57–65.)

Из показаний свидетеля В.Г. Агапова — секретаря О.С. Шенина — следует, что он 17 августа по просьбе Шенина соединил его по телефону с Тизяковым в Свердловске. (Т. 71, л.д. 140.)

Обвиняемый О.С. Шенин подтвердил имевшие место 15 и 17 августа телефонные переговоры с А.И. Тизяковым и добавил, что при последнем разговоре передал тому просьбу В.А. Крючкова прибыть в Москву 19 августа. (Т. 16, л.д. 87–96.)

Допрошенный по этому вопросу В.А. Крючков показал: «<...> не припоминаю, чтобы у меня был такой разговор с Шениным. С Тизяковым 17 августа я не связывался по телефону, его не разыскивал». (Т. 3, л.д. 112–113.)

Следствие считает, что к показаниям О.С. Шенина об обстоятельствах вызова А.И. Тизякова в Москву следует относиться критически, так как он, отрицая свою организующую роль в заговоре, искажает фактические обстоятельства привлечения к нему А.И. Тизякова. То, что Тизяков срочно прилетел в Москву по вызову именно Шенина, подтверждается следующими доказательствами:

— блокнотом, изъятым у А.И. Тизякова 22 августа 1991 года при личном обыске, на внутренней стороне обложки которого имеется запись, выполненная А.И. Тизяковым: «18.08.91 самолет Свердлов. — Москва летел по зв. О.С.». Буквы сокращения являются начальными имени и отчества Олега Семеновича Шенина. (Т. 15, л.д. 100.)

— журналом учета телефонных соединений (рег. № 537) Главного управления правительственной связи и справкой этого управления, из которых следует, что 15 августа О.С. Шенин позвонил А.И. Тизякову в Свердловск в 18.56 и разговаривал с ним до 19.07, а 17 августа О.С. Шенин позвонил А.И. Тизякову в 10.36 и беседовал с ним до 10.40. (Т. 16, л.д. 23–31.)

— авиабилетом № 615201 на рейс 262 Свердловск — Москва и справками Свердловского объединенного авиаотряда и аэропорта Домодедово, свидетельствующими о том, что 18 августа 1991 года А.И. Тизяков приобрел указанный билет через зал официальных делегаций в аэропорту Свердловска и убыл в Москву в 6.15, а прибыл в 8.45. (Т. 13, л.д. 266; т. 16, л.д. 36–37, 39.)

Допрошенный по этим обстоятельствам Тизяков пояснил, что необходимость телефонных разговоров с Шениным была обусловлена его просьбой к нему оказать помощь исполнительному директору АГПО Пискунову в выделении для дирекции помещения в подъезде № 13 ЦК КПСС, против аренды которого возражал управделами ЦК КПСС Кручина. В конце недели ему в Свердловск перезвонил Шенин и сообщил, что при очередной поездке в Москву ему необходимо встретиться с Кручиной, который уже в курсе дела. (Т. 13, л.д. 79–83, 91–92, 106–144.)

Данные утверждения Тизякова не соответствуют действительности и опровергаются следующими доказательствами.

Из показаний обвиняемого О.С. Шенина следует, что 15 и 17 августа, то есть перед поездкой Тизякова в Москву, в разговорах по телефону с ним вопрос о выделении помещения ЦК КПСС для АГПО СССР вообще не затрагивался. «Ранее в марте-апреле Тизяков просил поддержки по выделению помещения для Ассоциации в здании ЦК. Но конкретно я этим делом не занимался, он имел прямые отношения по этим вопросам с Кручиной <...>». (Т. 16, л.д. 87–96.)

КООПЕРАТИВ «ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО»

Свидетель В.В. Пискунов, генеральный директор исполнительной дирекции АГПО СССР, пояснил, что по указанию Тизякова все вопросы по аренде рабочих площадей в высвобождаемых зданиях ЦК КПСС он решал с заместителем управляющего делами ЦК КПСС В.М. Мишиным. В июне-июле 1991 года АГПО было выделено только две комнаты в 13-м подъезде здания ЦК КПСС. Основная надежда была на реорганизацию Кабинета министров СССР, где им обещали выделить в аренду дополнительную рабочую площадь. 15 августа ему из Свердловска позвонил А.И. Тизяков и сообщил, что собирается приехать в Москву 22 августа. (Т. 18, л.д. 72–75.)

Исходя из совокупности полученных в ходе следствия доказательств, следствие пришло к выводу, что приезд А.И. Тизякова в Москву 18 августа 1991 года был связан с заговором. Об этом объективно свидетельствуют и его действия.

18 августа 1991 года, поселившись в гостинице Министерства авиационной промышленности СССР (МАП СССР), Тизяков позвонил в ЦК КПСС и в первой половине дня встретился с О.С. Шениным, который готовился к вылету в Форос.

В тот же день во второй половине А.И. Тизяков встретился в КГБ СССР с В.А. Крючковым, что следует из показаний свидетеля И.И. Лучанинова, инспектора секретариата КГБ, пояснившего, что во второй половине дня 18 августа к Крючкову в кабинет прошел Тизяков и находился у него примерно 20 минут. (Т. 9, л.д. 70.)

В ночь с 18 на 19 августа около 3 часов он вновь приехал к Шенину в здание ЦК КПСС на Старую площадь.

Вывод следствия о том, что появление в Москве Тизякова, а на следующий день — Стародубцева связано с решениями, принятыми на объекте АБЦ 17 августа, и было обусловлено участием их в заговоре, основывается также на анализе действий В.С. Павлова, который днем 18 августа со своей дачи в с. Архангельском через коммутатор специальной правительственной связи позвонил Стародубцеву и предложил прибыть к нему в Москву утром 19 августа. Аналогичная попытка предпринималась Павловым 16 августа. Он поручил своим подчиненным вызвать Стародубцева на 17 августа в Москву якобы для участия в заседании президиума Кабинета министров СССР.

Скрывая цели вызова Стародубцева, а также свою роль в этом, обвиняемый Павлов показал, что звонил Стародубцеву 16 августа для того, чтобы пригласить его на заседание президиума Кабинета министров СССР по вопросам продовольствия, назначенного на 17 августа, но Стародубцева на месте не оказалось: «<...> Меня волновали вопросы уборки урожая, и эти моменты я тоже хотел с ним обговорить. На заседании Президиума Стародубцев не приехал, поэтому на следующий день я позвонил ему в «Новомосковское» и выразил свое неудовольствие, что он не приехал... Была достигнута договоренность, что он 19 августа утром придет ко мне в Кабинет Министров. При этом я хочу особо подчеркнуть, что предстоящий визит Стародубцева В.А. в Москву ни в коей мере не был связан с событиями 18–21 августа <...>». (Т. 54, л.д. 99–102.)

Показания В.С. Павлова в этой части опровергаются имеющимися в деле документами: перечнем вопросов,

рассмотренных на заседаниях президиума Кабинета министров СССР в 1991 году, и выпиской из протокола № 20, из которых следует, что 17 августа на заседании президиума обсуждался только Договор о Союзе суверенных государств. (Т. 59, л.д. 356–357; т. 60, л.д. 9–14.)

Министр сельского хозяйства и продовольствия СССР В.М. Черноиванов по поводу вызова В.А. Стародубцева пояснил, что по поручению Павлова, переданному примерно в 18.30 через заместителя премьер-министра СССР Ф.П. Сенько, он 16 августа звонил Стародубцеву. Тот ответил, что выехать в Москву не может, т.к. у него на это время назначено собрание. По реакции Стародубцева он понял, что этот вызов для него был неожиданным. (Т. 80, л.д. 247–252.)

Следствием установлено, что 16 августа 1991 года у Павлова в кабинете с 17 часов находились Крючков и Шенин. Шло обсуждение документов ГКЧП, подготовленных в обоснование захвата власти. В частности — о составе ГКЧП. Этим и было вызвано поручение Павлова о вызове Стародубцева в Москву.

Свидетель А.А. Стародубцев, брат обвиняемого В.А. Стародубцева, будучи допрошенным, показал следующее: «Он (брат) рассказал, что в пятницу 16 августа ему в колхоз позвонил кто-то из аппарата премьер-министра и передал, что его вызывает Павлов на какое-то заседание на субботу 17 августа. Для какой цели он вызывался на совещание к Павлову, не знал <...>».

Однако в связи с тем, что 17 августа у Василия в колхозе должно было состояться собрание, он не смог поехать к Павлову, о чем сразу же сообщил. В воскресенье 18 августа ему опять звонили из аппарата Павлова и спросили о том, почему он не приехал на совещание. Василий объяснил причину. Тогда ему было предложено прибыть в Москву в понедельник 19 августа <...>». (Т. 79, л.д. 169–172, 173–177.)

По данным журнала соединений на коммутаторе специальной правительственной связи № 537, В.С. Павлов 18 августа 1991 года разговаривал со Стародубцевым В.А. с 12.08 до 12.11. (Т. 48, л.д. 4–45.)

Допрошенный по этому поводу обвиняемый В.А. Стародубцев пояснил: «<...> во время телефонного разговора с Огрызкинским вечером 18 августа <...> я ему сказал, что меня вызывает на 19 августа к 10 часам Павлов В.С. и попросил его обеспечить прибытие других работников Крестьянского союза на работу приблизительно к 8 часам <...>, чтобы обсудить с ними, какие документы по сельскому хозяйству, над которыми мы работали раньше, мне взять с собой на прием к Павлову». (Т. 78, л.д. 62–118.)

Заместитель председателя колхоза им. Ленина А.Д. Цой и юристконсульт Л.В. Алехина пояснили, что 19 августа Стародубцев должен был присутствовать на заседании правления колхоза, но внезапно уехал в Москву. (Т. 79, л.д. 149–155, 156–159.)

Допрошенный о причинах этого обвиняемый В.А. Стародубцев пояснил:

«<...> 18 августа 1991 года приблизительно в 12 часов 30 минут <...> в приемной моего кабинета раздался теле-

фонный звонок <...> я взял телефонную трубку. Павлов спросил меня, когда я смогу приехать в г. Москву, я ответил, что приеду к 9 часам 19 августа <...>. На это Павлов пошутил, сказав мне: «А когда я буду спать?» Я еще, помню, спросил у него о том, что сегодня воскресенье, а он на работе. Павлов мне ответил, что много работы <...> Я спросил у него <...> для какой цели он меня вызывает. Павлов мне ответил: «Ты ведь сам просился на прием». Я на самом деле приблизительно три недели до этого просил его помощника о том, чтобы Павлов принял меня. Это было связано с необходимостью оперативного решения обеспечения сельскохозяйственных предприятий дизельным маслом и топливом <...> Однако Павлов меня так и не принял. И поэтому я подумал, что Павлов вызывает меня в связи с моей просьбой о приеме <...>». (Т. 78, л.д. 62–188.)

О том, что вызов В.А. Стародубцева в Москву преследовал единственную цель — участие его в ГКЧП СССР, прямо свидетельствуют показания обвиняемого Г.И. Янаева, в которых дана следующая характеристика отводимой Стародубцеву роли:

«<...> Стародубцев являлся председателем Крестьянского союза, и для того, чтобы ГКЧП мог квалифицированно решать вопросы сельского хозяйства, нужен был опыт этого человека. В числе первоочередных документов ГКЧП предусматривалось издание указа об уборке урожая и подготовке к зиме <...>» (Т. 62, л.д. 53.)

Из показаний обвиняемого В.А. Крюčkова также следует, что Стародубцева В.А. для участия в заговоре в составе ГКЧП привлек Павлов В.С. (Т. 3, л.д. 119.)

Являясь одним из организаторов заговора, 18 августа во второй половине Павлов, разыскав отдохавшего на Валдае А.И. Лукьянова и находившегося в гостях у своих знакомых Г.И. Янаева, предложил им вечером того же дня прибыть на встречу в Кремль.

Мотивируя свои действия, В.С. Павлов на допросе 22 октября 1991 года пояснил: «<...> И хотя на встрече вечером 17 августа на объекте КГБ СССР в ходе обсуждения можно было сделать вывод о том, что они (Янаев и Лукьянов) в курсе этого, я решил лично убедиться, т.к. обстановка была неординарная <...> мне также хотелось знать приедут ли Янаев и Лукьянов на встречу после возвращения наших товарищей из Крыма от Президента, ведь после их прибытия требовалось какое-то решение по создавшейся ситуации <...>».

По словам Павлова, он понял, что оба в курсе происходящего, однако от участия в совещании пытались уклониться, но он заявил, что в таком случае никаких самостоятельных решений принимать не будет. (Т. 54, л.д. 10, 117, 118.)

Обвиняемый Янаев Г.И., рассказывая об обстоятельствах вызова его в Кремль, сообщил, что во второй половине 18 августа он находился в гостях у своего товарища Г.И. Лаптева.

«<...> За это время, — показал он, — мне несколько раз звонили в автомашину начальник аппарата президента Болдин В.И., Павлов В.С., Премьер-министр СССР, Председатель КГБ СССР Крючков В.А. Каждый из них, за исключением Болдина, просил меня приехать в Кремль для того, чтобы обсудить какие-то срочные вопросы. <...>

Зная тяжелейшую ситуацию в стране, зная, что предстоит подписание Союзного договора и неоднозначную реакцию в обществе по этому поводу, я приехал на эту встречу весьма встревоженным и не знал, о чем пойдет речь <...>. (Т. 62, л.д. 4.)

Свидетель М.Ф. Забелина показала, что 18 августа вечером Г.И. Янаев находился в гостях у ее сестры Лаптевой. По непонятным причинам был в нервном состоянии. Во время встречи охранник неоднократно вызывал его к телефону в автомашину, и Забелина, со слов, поняла, что в числе звонивших был и Павлов. Через некоторое время в комнату вошли двое мужчин и сообщили: «Звонит Владимир Александрович, все собрались. Вас ждут». Янаев сразу же уехал. (Т. 63, л.д. 18–22.)

Это подтвердил и А.С. Гавердовский, офицер его охраны, сообщивший, что вечером 18 августа во время пребывания Янаева в гостях у Лаптевых ему звонили Крючков и кто-то другой из высокопоставленных должностных лиц. Янаев с большой неохотой спускался к автомашине и разговаривал с ними по телефону. Был он в нетрезвом состоянии. Когда вызвали в Кремль, уехал туда с нежеланием. (Т. 63, л.д. 35–40.)

Водитель его автомашины Гудков А.В., подтверждая показания Янаева и Гавердовского, сообщил, что во время пребывания Янаева у Лаптевых ему часто звонили. Заместитель начальника первого отдела Службы охраны КГБ СССР Демидов просил его связаться с Крючковым или Павловым, но Янаев к телефону не подходил. Затем звонил Крючков. Минут через десять после этого разговора Янаев поехал в Кремль. Был он уже в нетрезвом состоянии и уезжать из гостей не хотел. (Т. 63, л.д. 43–46.)

18 августа 1991 года около 14 часов самолетом в Москву из Крыма возвратился находившийся там на отдыхе Б.К. Пуго. В тот же день Крючков около 16 часов, разыскав его по телефону, предложил ему срочно прибыть в Министерство обороны к Язову, где они, посвятив его в планы захвата власти, согласовали совместные действия в условиях предстоящего объявления чрезвычайного положения и ввода войск в Москву.

С этого момента Б.К. Пуго, прервав свой отпуск, активно включился в заговор, используя для достижения поставленной цели подчиненные ему органы МВД, СССР.

Об этих обстоятельствах обвиняемый Крючков показал следующее: «<...> По роду работы мне приходилось довольно часто общаться с Пуго Б.К. Он очень переживал за положение дел в стране, подчеркивал, что страна идет к развалу. Особенно близко принимал к сердцу все, что происходило в его родной Латвии. Пуго Б.К. говорил мне, что если Латвия отделится, станет самостоятельным государством, то неизбежно начнутся репрессии и постепенно будут выжимать русских из Латвии. <...> Своих переживаний и взглядов Пуго не скрывал. <...> По приезду <...> ему рассказали о намерении ввести чрезвычайное положение, и он согласился с этим <...>. (Т. 3, л.д. 22.)

Из показаний свидетеля Ю.А. Купцова, офицера охраны Пуго, следует, что около 16 часов при выезде с загородной дачи, вскоре после прилета Пуго в Москву, в автомашину министра позвонили. После звонка Пуго отменил запланированную поездку в МВД СССР и распорядился ехать в Министерство обороны. (Т. 82, л.д. 175–178.)

Обвиняемый Д.Т. Язов также подтвердил обстоятельства встречи с Пуго, о цели которой он сообщил следующее: «<...> Мы поставили его в известность о нашем решении, которое было принято на объекте «АБЦ» 17.08.91 года. Пуго все это воспринял спокойно. В общих чертах мы поговорили о вопросах взаимодействия наших ведомств в случае введения чрезвычайного положения в стране <...>.

<...> Я понял, что у них (Крючкова и Пуго) какая-то договоренность до этого была. Я знаю Пуго, что он очень осторожный человек, не бросается в авантюру <...>. Мне даже показалось странным, что Пуго приехал и не возражает <...>. (Т. 99, л.д. 240.)

Встречу Пуго, Язова и Крючкова в Министерстве обороны подтвердили и офицеры их охраны О.А. Борщев (т. 55, л.д. 39), В.И. Орлов (т. 55, л.д. 43), а также Н.В. Коростелев (т. 55, л.д. 77–78), который показал, что около 15 часов он вместе с Крючковым прибыл к Язову. Минут через двадцать туда же приехал и министр внутренних дел СССР Пуго.

По завершении встречи они условились в тот же день в 20 часов встретиться в Кремле в кабинете Павлова для обсуждения результатов поездки к президенту СССР М.С. Горбачеву.

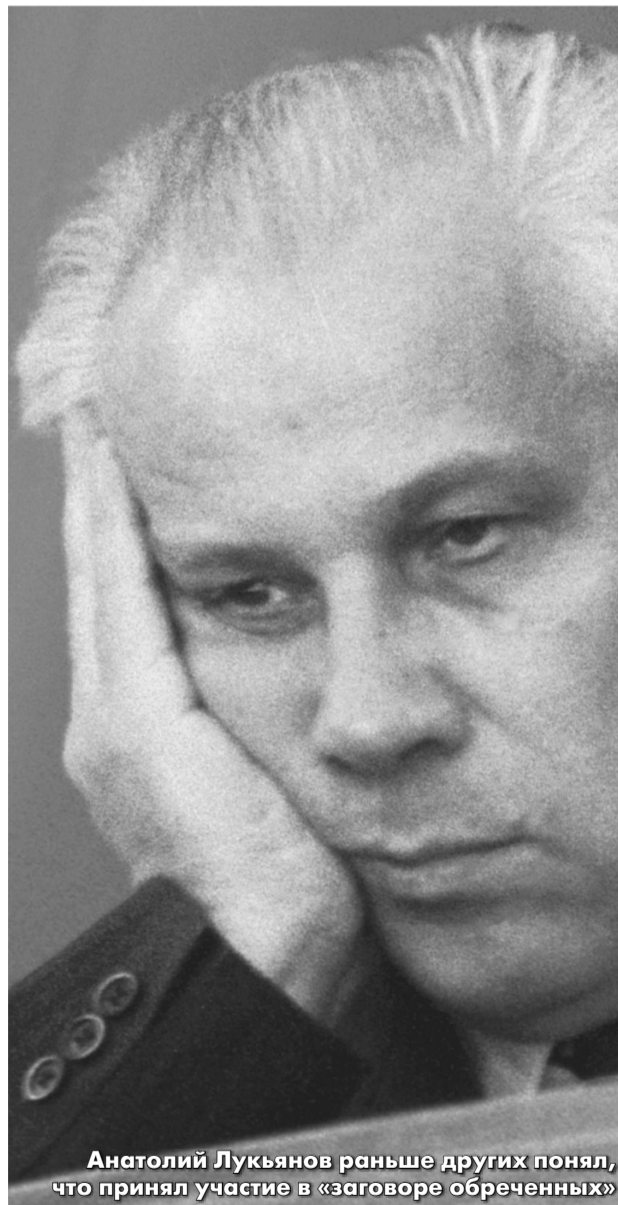
Предвидя негативную реакцию за рубежом на смещение М.С. Горбачева и захват власти, Крючков разыскал министра иностранных дел СССР А.А. Бессмертных,

отдыхавшего под Минском, и, имея намерение привлечь его к участию в заговоре, предложил тому срочно прибыть в Москву, сообщив, что на ближайшем военном аэродроме его ждет самолет.

Допрошенный в качестве свидетеля А.С. Иванов, офицер охраны Бессмертных, показал, что вечером 18 августа, получив информацию о том, что Крючков по телефону разыскивал Бессмертных, он около 19 часов позвонил в Москву и соединил Бессмертных с Крючковым: «<...> Разговор был коротким, в пределах пяти минут, а может и короче. Выйдя из комнаты, Бессмертных А.А. сказал, что его вызывают в Москву, после чего они вылетели туда на военном самолете <...>. (Т. 124, л.д. 147–148.)

Сам А.А. Бессмертных на допросе по этому поводу рассказал следующее: «18 августа 1991 года я находился на отдыхе в местечке Уручье в Белоруссии, когда около 19 часов получил телефонный звонок от Крючкова. <...> он сказал, что возник очень серьезный вопрос и мне следует срочно приехать в Москву, тем более что самолет для меня уже готов на одном из военных аэродромов под Минском. Я не представлял, о чем идет речь, но подумал, что случилось что-то очень важное — кризис, ядерная катастрофа, крупное шпионство, — и я буквально через час-полтора выехал оттуда». (Т. 124, л.д. 2.)

Это соответствует показаниям В.А. Крючкова: «<...> Приезд Бессмертных в Москву организовал я. По телефону, разумеется, ему ничего не было сказано. Доставлен он был в Москву на военном самолете, который оказался в Минске <...>. (Т. 2, л.д. 49.)

Анатолий Лукьянов раньше других понял, что принял участие в «заговоре обреченных»

были в Кремль в 20.00, Крючков и Павлов — в 20.10, Янаев — в 20.25. (Журнал приобщен к делу в качестве вещественного доказательства.)

В 20.20 в Кремль приехал А.И. Лукьянов, который, зная цель сбора, взял у себя в кабинете Конституцию СССР и Закон СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» и присоединился к участникам заговора в 20.40. (Т. 55, л.д. 98–99.)

Допрошенный в качестве свидетеля офицер охраны Язова В.И. Орлов показал: «Вечером Язов вызвал меня к себе и сказал, что мы едем в кабинет Павлова в Кремле... Около 20 часов в автомашине Язова он, заместитель Министра обороны СССР генерал-полковник Ачалов Владислав Алексеевич, одетый в военную форму, и я выехали от здания Министерства обороны в Кремль. <...> Язов, Ачалов и я прошли в 3-й подъезд 1-го корпуса, поднялись на второй этаж и прошли к кабинету Павлова. <...> После нашего прибытия в пределах 5–10 минут подошли Министр внутренних дел Пуго Б.К. и его прикрепленный Борщев Олег. Приблизительно еще через 10 минут прибыли Председатель КГБ СССР Крючков В.А. с прикрепленным Коростелевым Николаем и Премьер-министр СССР Павлов В.С. с прикрепленным Мызовым Василием <...>.

Затем Язов, Ачалов, Пуго, Крючков и Павлов вошли в кабинет последнего, а все прикрепленные остались в приемной.

Еще через какое-то время в кабинет вошел Вице-президент СССР Янаев Г.И., чуть позже еще — Председатель Верховного совета СССР Лукьянов А.И.» (Т. 55, л.д. 43–46.)

Это обстоятельство также нашло свое подтверждение в показаниях допрошенных в качестве свидетелей водителей служебных автомашин И.Н. Киселева (т. 55, л.д. 27–28), В.Г. Гилева (т. 55, л.д. 25–26), А.В. Гудкова (т. 55, л.д. 19–22), В.И. Никандрова (т. 55, л.д. 23–24), А.Т. Рыкуна (т. 55, л.д. 11–14), М.П. Гузеева (т. 58, л.д. 46–48), прикрепленных сотрудников личной охраны А.С. Гавердовского (т. 63, л.д. 35–40), А.А. Кузнецова (т. 66, л.д. 94), В.И. Мызова (т. 59, л.д. 24–25), Н.В. Коростелева (т. 55, л.д. 77–70), О.А. Борщева (т. 55, л.д. 39–40), сотрудников комендатуры по охране резиденции президента СССР в Кремле Б.А. Авдеева (т. 55, л.д. 47–49), В.И. Рымарева (т. 16, л.д. 125–126), А.Г. Пестова (т. 16, л.д. 114–117) и других.

Крючков к этому времени располагал информацией об отказе президента СССР подчиниться требованиям ультиматума.

Из показаний Крючкова, данных на допросе от 9 сентября 1991 года, следует: «<...> Из самолета Бакланов, Шенин, Болдин очень кратко сообщили о том, что встреча с Горбачевым состоялась, он не дал добро на чрезвычайные меры, подробный доклад будет по приезде <...>. (Т. 2, л.д. 49.)

Это обстоятельство подтвердил на допросе В.С. Павлов: «<...> Когда начался разговор, то Крючков сказал о поступившем сообщении, что Президент отказывается принимать меры, что он себя очень плохо чувствует, а они к нему не смогли как-то подойти <...>. (Т. 54, л.д. 13.)

Обвиняемый Д.Т. Язов: «<...> К этому времени Крючков уже знал, что Михаил Сергеевич никакого отречения не подписал, что его изолировали там, отключили связь, т.е. действовали по схеме, принятой 17 августа на объекте «АБЦ» <...>. (Т. 99, л.д. 58.)

Согласно протоколу осмотра журнала № 537, в 19.10–19.14 с борта самолета с Крючковым по телефону разговаривал Варенников, а в 19.30–19.35 — Плеханов. (Т. 48, л.д. 4–45.)

Рассказывая об обстановке, царившей в кабинете Павлова вечером 18 августа, обвиняемый Янаев показал: «Когда я вошел, то Павлов сказал, что они тут обсуждают «горячие проблемы», а Вице-президент где-то «гуляет». Я понял, что он пошутил, и спросил, о чем идет речь. Крючков, а за ним и Павлов стали говорить, что страна катится к хаосу, развалу. Президент и Вице-президент эффективных мер не принимают. Они сказали, что нужно остановить развал и хаос <...>. (Т. 62, л.д. 5.)

В другом свете рисует обстановку на встрече в своих показаниях свидетель В.А. Ачалов: «<...> Янаев в этот вечер вел себя развязно, в грубой форме сказал о том, что Горбачев М.С. не хочет идти в отставку, не хочет подписывать документы о введении в стране чрезвычайного положения и т.д. <...> Целый вечер 18 августа в кабинете Янаева (Павлова) шел какой-то словесный базар, трудно было разобраться, кто и что здесь решает, не видно было среди присутствующих государственных мужей <...>. (Т. 82, л.д. 21.)

По распоряжению Крючкова и Язова на Валдай за Лукьяновым были специально направлены вертолеты для доставки его в Москву.

Таким образом, в то время как группа Бакланова вылетела в Крым, оставшиеся в Москве участники заговора сделали все необходимое по организации встречи в Кремле, что свидетельствует о спланированности их действий.

В тот же вечер, то есть 18 августа, около 20 часов по взаимной договоренности в кабинете Павлова в Кремле собрались В.А. Крючков, Д.Т. Язов, В.А. Ачалов, Б.К. Пуго, В.С. Павлов, Г.И. Янаев, для того чтобы обсудить результаты поездки к президенту и приступить к реализации следующего этапа заговора.

Согласно изъятому в комендатуре Московского Кремля журналу № 136 регистрации пребывания в Кремле охраняемых лиц, 18 августа Язов и Пуго при-

КООПЕРАТИВ «ЛЕБЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО»

Допрошенный в качестве свидетеля А.И. Лукьянов показал, что в Москву он прилетел по настоянию дважды звонившего ему 18 августа Павлова, полагая, что сюда же прибудет М.С. Горбачев. По приезде в Кремль он взял документы по Союзному договору, Конституцию СССР и около 21 часа пришел в кабинет Павлова, где уже находились Павлов, Янаев, Язов, Крючков, Пуго. Ни Бакланова, ни Шенина там еще не было.

Янаев и Павлов сообщили ему, что они образуют комитет по чрезвычайному положению. На его вопрос, когда прибудет Горбачев, ответили, что он не прилетит, а возвратятся посланные в Форос товарищи. Они также сказали: «<...> если будет заключен Союзный договор, будет распущено правительство, все не будет действовать».

Лукьянов пытался убедить их в том, что это вызовет гражданскую войну, национальные распри и «<...> это шаг назад от демократии и подрыв наших международных позиций», предлагал дождаться Горбачева либо связаться с ним по телефону, но Крючков сказал, что связи нет.

Далее Лукьянов показал: «<...> При отсутствии Горбачева Янаев исполнял его обязанности, но по такому вопросу нужно было специальное решение. После сообщения Крюčkова я сразу сообразил, что там заговор, Президента оградили. Но больше я не просил связаться. Я сказал, что это авантюра, это приведет к гражданской войне. Я спросил, есть ли у них план. Крючков ответил, что план есть. Я сказал, что это заговор обреченных. Мне казалось, что я убедил их отказаться от всего их плана <...>». (Т. 64, л.д. 1–2.)

Эти показания частично подтвердил обвиняемый Язов: «<...> Мне четко вбилась фраза Лукьянова: «Что у вас есть? Дайте план». Я ему ответил, что никакого у нас, Анатолий Иванович, плана нет. «Но почему же, есть у нас план», — сказал Крючков <...>». (Т. 99, л.д. 58.)

Это соотносится с доказательствами, которыми располагает следствие, и позволяет утверждать, что ожидание прибытия посланцев к президенту СССР было связано с реализацией следующей стадии заговора — правовым оформлением смещения главы государства М.С. Горбачева и передачей власти ГКЧП.

В 21.20. на подмосковный аэродром Чкаловский приземлился самолет, доставивший из Крыма Бакланова, Шенина, Болдина, Плеханова, которые в 22 часа прибыли в Кремль в кабинет В.С. Павлова.

Время прибытия в Кремль этой группы отражено в том же журнале № 136 регистрации пребывания в Кремле охраняемых лиц. (Т. 55, л.д. 98.)

В своих показаниях обвиняемый О.С. Шенин утверждает, что по возвращении в Москву он уехал к себе в ЦК КПСС, а уже оттуда по приглашению Янаева прибыл в Кремль. Там находились Янаев, Крючков, Пуго, Язов, Павлов, Бакланов и что-то обсуждали. Он пришел в комнату отдыха и длительное время находился там в связи с болезнью желудка, поэтому о том, что происходило в соседней комнате, практически ничего не знает. (Т. 70, л.д. 40, 83, 91–92.)

Болдин В.И. о своем участии в совещании показал: «<...> Когда вернулись в Москву, то в Кремль я поехал

вместе с Плехановым. В кабинете Янаева (Павлова) проходило совещание. Об итогах поездки доложил Шенин, доложил объективно. Кто-то высказывал, что раз Горбачев не принял решение, то так все и оставить до подписания Союзного договора. В последующем, я через некоторое время уехал в больницу. Фактически, о чем шла речь на данном совещании, я пояснить не могу <...>». (Т. 76, л.д. 223–224.)

Понимая важность событий в Кремле с 18 на 19 августа 1991 года для оценки их роли в заговоре, Шенин и Болдин стремятся до минимума свести свое участие в них. Однако это не соответствует имеющимся доказательствам.

Допрошенный в качестве свидетеля С.А. Сафронов, прикрепленный Шенина, опроверг его показания, пояснив, что по возвращении в Москву вечером 18 августа Шенин вместе с другими с аэродрома сразу же приехал в Кремль. В автомашине вместе с ними также ехал В.Т. Медведев — начальник охраны Горбачева. По дороге в Кремль они никуда не заезжали. (Т. 71, л.д. 121.)

Указанный факт нашел подтверждение в показаниях свидетелей Н.К. Лебедева (т. 26, л.д. 31), В.И. Орлова (т. 55, л.д. 43–46), Н.В. Коростелева (т. 55, л.д. 77–79), С.М. Новикова (т. 7, л.д. 191–193), В.Т. Медведева (т. 32, л.д. 75), В.В. Тупицина (т. 55, л.д. 15–16), обвиняемых О.Д. Бакланова (т. 21, л.д. 38), В.С. Павлова (т. 54, л.д. 14, 119–120), Г.И. Янаева (т. 62, л.д. 6) и других.

Согласно записям в журнале № 136, О.С. Шенин находился в Кремле с 22.00 до 2.55, а В.И. Болдин — с 22.00 до 0.06. (Т. 55, л.д. 98.)

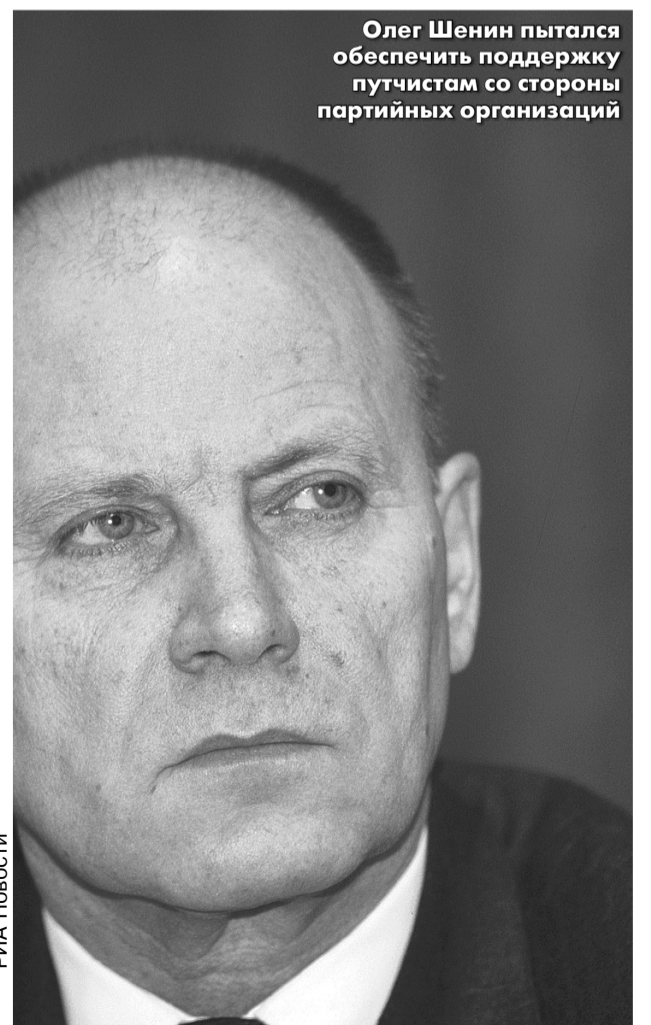
Это подтверждается и показаниями водителей служебных автомашин В.Г. Ключникова (т. 55, л.д. 33–34), Ю.В. Плешакова (т. 55, л.д. 17–18), офицеров охраны Н.К. Лебедева (т. 26, л.д. 31, т. 8, л.д. 123), С.А. Сафронова (т. 71, л.д. 120–124) и других.

Из показаний Павлова следует, что возвратившиеся из Крыма доложили о результатах разговора с М.С. Горбачевым.

«<...> Когда прибыли Бакланов О.Д., Шенин О.С., Болдин В.И., Плеханов Ю.С., — они вошли в кабинет, и Янаев Г.И. спросил: «Ну, с чем прилетели?» Рассказ прибывших товарищей был коротким, в основном рассказывали Бакланов и Шенин, а остальные в той или иной мере дополняли их рассказ. Описания того, что происходило в Форосе, мы не услышали. Было сказано, что беседы с Президентом Горбачевым не получилось. Больше часа их к нему не пускали, т.к. у него находились врачи. <...> По их мнению, в том состоянии, в котором он находился в момент этой встречи, Горбачев оценить создавшееся положение и принять ответственное решение в полной мере не мог. Нам было сказано, что документов он пока никаких не подписал, но высказана была уверенность, что сможет сделать это в последующем <...>, а сейчас нам самим нужно принимать решение. При всех условиях страна должна жить, оставлять ее без управления нельзя <...>». (Т. 54, л.д. 119–120.)

Бакланов рассказ о встрече с М.С. Горбачевым на допросе изложил следующим образом: «<...> Мы пришли к Павлову, там были Павлов, Янаев, Крючков, Язов, еще лица <...>. Были вопросы о том, как нас встретил президент. Мы доложили. Каждый высказал

свои впечатления <...>. Я сказал, что Михаил Сергеевич принял нас с задержкой, минут через 50 или чуть больше часа после нашего приезда. Объяснил он это тем, что себя неважно чувствует и был занят тем, что приводил себя в порядок. Он в это время был в корсете, у него блокада, связанная с радикулитом, но он, понимая, что обстановка вынудила нас приехать так неожиданно, принял нас. Он попросил меня объяснить, что случилось. Я сказал, что мы приехали по делу очень неотложному, что ситуация в стране напряженная, и мы считали своим долгом приехать как друзья, как соратники и объяснить ему, что нужно принимать срочные меры. Я охарактеризовал ту часть, которую знаю лучше — это состояние дел в промышленности, и приводил данные, которые подтверждали тяжелую ситуацию. Разговор протекал в спокойных тонах. Каждый высказал свою точку зрения. Варенников доложил ситуацию в армии, Шенин — информацию о положении дел в партии <...>. С другой стороны, мы высказывали сомнения, что Союзный договор, подписание которого намечалось на 20-е число, он, по мнению многих депутатов, приводил к расформированию СССР, а это не соответствует результатам проведенного летом референдума <...>» (Т. 21, л.д. 38–39.)

Олег Шенин пытался обеспечить поддержку путчистам со стороны партийных организаций

Дополняя его показания, Лукьянов сообщил, что Бакланов, по его словам, назвал Горбачеву всех членов комитета, когда тот спросил, кого они представляют. (Т. 64, л.д. 2–3.)

Однако следствие критически относится к приведенным показаниям, поскольку они противоречат собранным доказательствам.

Более близкие к действительности показания в этой части дал обвиняемый Д.Т. Язов, из которых следует, что из рассказа Шенина он понял, что именно им было заявлено требование Горбачеву уйти в отставку либо до наведения ими порядка в стране под предлогом заболевания устраниться от политической и государственной деятельности. Горбачев ответил: «Что хотите — делайте, но за это вы будете отвечать». Затем их выгнал, подписывать документы не стал.

Прибывшие также сообщили и об отключении связи у президента. Было заметно, что они употребляли спиртное. Далее Язов дословно пояснил: «<...> Они вернулись от Михаила Сергеевича с кислыми рожами <...>. Члены группы были обеспокоены теми отрицательными последствиями, которые могли возникнуть у них после разговора с Президентом СССР <...>».

После информации, полученной от членов группы, побывавших у президента, среди всех присутствующих в кабинете возникла какая-то растерянность, о чем свидетельствуют их фразы «мы засветились» и «если сейчас с этим соглашаемся и расходимся, то мы — на плаху, а вы чистенькие <...>», «мы подписали смертный приговор». (Т. 99, л.д. 14, 61–63; т. 64, л.д. 2.)

Именно этим можно объяснить реплику, брошенную, по свидетельству В.С. Павлова, Болдиным в адрес собравшихся: «<...> Вы не думайте, если мы летали, то

Помощник Горбачева
Валерий Болдин заходил
в кабинет шефа
без доклада

Валентин ЧЕРЕДИНЦЕВ / ТАСС

вы здесь ни при чем. Кто здесь находится, все сожжены <...> Об этом я могу сказать точно, т.к. хорошо знаю Президента. Мы теперь все повязаны <...>».

Далее из показаний Павлова следует, что включившийся в разговор Плеханов заявил, что, по имеющимся у него данным, преступными группировками, в понятие которых он включал и демократические силы, окружающие президента РСФСР Ельцина, составляются списки лиц, которых нужно убрать или нейтрализовать.

«Было сказано, что в списках — почти весь Кабинет Министров СССР. Я тогда спросил из чистого любопытства: «Я там тоже есть?» Мне ответили: «Да, есть и ты в списке номер 2!» Конечно, это произвело на меня впечатление. <...> ...Я точно не знал, действительно ли существуют такие списки, лично я их не видел, но не верить Министру внутренних дел и начальнику Службы охраны Президента не мог». (Т. 54, л.д. 16, 122, 136.)

В процессе расследования ни этих списков, ни иных данных, свидетельствующих об их существовании, не установлено. Поэтому следствие расценивает заявление Плеханова как средство давления на своих

хотя бы в чем-то колеблющихся единомышленников, стремление связать всех круговой порукой.

Последующее развитие событий изложено в показаниях Г.И. Янаева следующим образом: «<...> У них сложилось впечатление, что Президент не хотел бы прибегать к введению чрезвычайного положения в напряженных районах, а следовательно, к наведению элементарного порядка в стране в рамках тех процессов, которые начаты <...> политикой перестройки. Бакланов сказал: «Давайте решать: или мы будем пытаться спасти страну, либо давайте подадим в отставку». Я ответил, что готов подать в отставку в любой момент, который товарищи сочтут целесообразным. <...> После этого пошел общий разговор, что это пассивная позиция, так мы можем плюнуть на все, а кто останется и что будет со страной? Мне сказали, что я исполняю обязанности президента. Это говорили Крючков, Язов. Все говорили: «У тебя есть власть, и наводи порядок во всех отраслях». Я не знал, что Горбачев отрезан от мира. Я сам с ним говорил по телефону в этот день, предложил вновь связаться с Горбачевым. Шенин сказал, что бесполезно говорить с Горбачевым, <...> он никогда не согласится на какие-либо шаги, которые бы разрушали его политику балансировки». (Т. 62, л.д. 6.)

Действуя в рамках разработанного плана, Крючков и другие участники заговора предложили Г.И. Янаеву взять на себя исполнение обязанностей президента СССР. С этой целью Крючков передал ему на подпись заранее подготовленный указ, из текста которого следовало, что 19 августа 1991 года Янаев вступает в исполнение обязанностей президента СССР «в связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения их М.С. Горбачевым». (Т. 6, л.д. 48.)

Допрошенный по этим обстоятельствам обвиняемый Г.И. Янаев далее показал следующее: «<...> мне было предложено Крючковым, Баклановым, которых поддержал Павлов, учитывая, что им показалось, что Президент Горбачев плохо себя чувствует, взять на себя полномочия, т.е. исполнять обязанности. Мне был предложен проект Указа о принятии на себя полномочий. Его текст мне дал Крючков, вынул его из бумажной папки, лежавшей на столе. <...> Я сказал: «Товарищи, я этот указ подписывать не буду, потому что считаю, Президент должен вернуться после того, как он отдохнет и поправит себя. И кроме того, я не чувствую себя ни морально, ни по квалификации готовым к исполнению этих обязанностей. Началась дискуссия, меня они все уговаривали подписать этот Указ». (Т. 62, л.д. 6–7.)

Позицию Янаева В.С. Павлов в своих показаниях охарактеризовал следующим образом: «<...> Янаев все пытался узнать у вернувшихся из Крыма, что же именно произошло с Горбачевым, действительно ли он болен, почему не Лукьянов должен исполнять обязанности Президента. Но ему ответили: «А тебе-то что? Мы же не врачи... Сказано же — он болен!» Тогда Янаев стал говорить: «А как же тогда объяснить, почему я беру на себя исполнение обязанностей Президента? Почему именно я? Пусть Лукьянов берет это на себя. <...> Было видно, что Янаев проявляет нерешительность в этом вопросе. В ответ на это Лукьянов заявил: «По Конституции ты должен исполнять обязанности Президента, а не я. Мое дело собрать Верховный Совет СССР...» Они начали спорить между собой, откуда-то появилась Конституция СССР и Закон о правовом режиме чрезвычайного положения. Обсуждали они этот вопрос довольно энергично». (Т. 54, л.д. 121.)

Следствием установлено, что нормативные акты, о которых ведет речь Павлов, не «откуда-то появились», а предусмотрительно были захвачены с собой А.И. Лукьяновым, который заблаговременно знал, о чем пойдет речь на встрече.

Участники заговора, безусловно, понимали, что ссылка в указе вице-президента СССР на «невозможность по состоянию здоровья» М.С. Горбачевым исполнять свои обязанности президента СССР носит заведомо ложный характер и нужна она для придания конституционности принятия Янаевым на себя полномочий главы государства, но тем не менее эта ложь была принята.

Сознавая зыбкость этого «аргумента», Янаев высказал сомнения в целесообразности указания причины, в связи с чем он вступает в права и.о. президента. Тогда Крючков, по свидетельству Павлова, предложил воспользоваться услугами генерального директора лечебно-оздоровительного управления МЗ СССР Д.Д. Щербаткина, полагая, что тот пойдет на сделку с ними и выдаст им фиктивный документ о болезни Горбачева. (Т. 54, л.д. 3–13–22.)

Подобная попытка действительно была предпринята Плехановым, о ней подробно изложено в разделе «Изоляция Президента СССР».

Из показаний Павлова следует также, что Бакланов ответил Янаеву следующим образом: «<...> Если это не увязывает с болезнью Горбачева, то какие имеются иные основания принимать на себя исполнение его обязанностей. Сейчас не время разбираться, болен он или нет, и чем болен, страну спасти нужно!» (Т. 54, л.д. 8.)

На первом же своем допросе Г.И. Янаев признал: «<...> И тут я дрогнул и согласился подписать, оговорив это тем, что я буду исполнять обязанности Президента не более двух недель, <...> меня еще больше убедило то, что они создадут комитет по чрезвычайной ситуации и будут заниматься сами всеми вопросами». (Т. 62, л.д. 7.)

После подписания Янаевым указа о вступлении в исполнение обязанностей главы государства Крючков передал присутствовавшим подготовленные в КГБ СССР «Заявление Советского руководства», «Обращение к Советскому народу» и Постановление № 1 ГКЧП СССР. Проекты эти документов, а также текст «Обращения к главам государств и правительств и Генеральному секретарю ООН» им заблаговременно были согласованы с участниками заговора.

«Заявление Советского руководства» подписали Янаев, Павлов, Бакланов. В нем сообщалось о том, что полномочия президента СССР переходят к вице-президенту СССР, указывалось о введении чрезвычайного положения на всей территории СССР на срок до 6 месяцев с 4 часов утра 19 августа 1991 года, образованию Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП) в составе О.Д. Бакланова, В.А. Крючкова, В.С. Павлова, Б.К. Пуго, В.А. Стародубцева, А.И. Тизякова, Д.Т. Язова, Г.И. Янаева «для управления страной и эффективного осуществления режима чрезвычайного положения».

Все решения ГКЧП СССР объявлялись обязательными «для неукоснительного исполнения всеми органами власти и управления, должностными лицами и гражданами на всей территории Союза ССР». (Т. 6, л.д. 49–50.)

В «Обращении к Советскому народу» от имени ГКЧП СССР граждан страны призывали «положить конец нынешнему смутному времени, осознать свой долг перед Родиной и оказать всемерную поддержку Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР, усилиям по выводу страны из кризиса». (Т. 6, л.д. 62–67.)

Постановлением № 1 ГКЧП предписывалось: — всем конституционным органам власти и управления Союза ССР на всех уровнях обеспечить неукоснительное соблюдение режима чрезвычайного положения;

— расформировать все структуры власти и управления, военизированные формирования, действующие вопреки законодательству СССР, изъять имеющееся у них оружие, боеприпасы, снаряжение и т.п. Признать недействительными законы и решения, противоречащие Конституции СССР и законам СССР;

— временно приостановить деятельность политических партий, общественных организаций и движений, препятствующих нормализации обстановки, запретить проведение митингов, уличных шествий, демонстраций, а также забастовок;

— в необходимых случаях вводить комендантский час, патрулирование и т.п., взятие под контроль и под охрану важнейших государственных и хозяйственных объектов, систем жизнеобеспечения;

— установить контроль над средствами массовой информации.

Этим же постановлением ГКЧП брал на себя функции Совета безопасности СССР, а его деятельность приостанавливалась. (Т. 6, л.д. 57–61.)

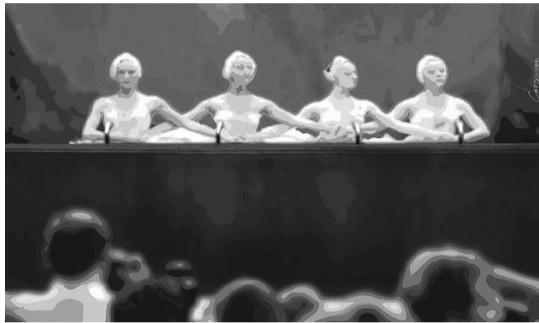
В «Обращении к главам государств и правительств и Генеральному секретарю ООН» сообщалось: «<...> вся полнота власти в стране передается Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР».

При обсуждении вопроса о чрезвычайном положении по совету Лукьянова А.И. формулировка была изменена и указано, что вводится оно «в отдельных местностях СССР».

Касаясь этого вопроса, обвиняемый Г.И. Янаев показал: «<...> Принимая это решение, я согласился с общим мнением членов ГКЧП, вопреки моему внутреннему желанию. <...> Я вошел в комитет сознательно для того, чтобы решения этого органа принимались с моим участием и, как я надеялся, под моим контролем. При этом я стремился не допустить таких решений комитета, которые могли бы привести к принятию решений, дестабилизирующих ситуацию в стране, исключать силовые решения, если бы они от кого-то исходили». (Т. 62, л.д. 35.)

КООПЕРАТИВ

«ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО»

При оценке этих показаний Янаева необходимо учитывать, что в тот же вечер в Кремле с его участием было принято решение о вводе войск в Москву, что как раз и привело к дестабилизации обстановки в городе.

Допрошенный в качестве обвиняемого В.С. Павлов, говоря о принятии решения о введении чрезвычайного положения, отметил следующее: «<...> когда возник вопрос о том, кто именно должен вводить чрезвычайное положение в стране (в отдельных ее регионах), то мы обратились к Закону «О правовом режиме чрезвычайного положения», который с собой принес Лукьянов. Из текста этого закона следовало, что это мог сделать либо Президент СССР, либо Верховный Совет СССР.

<...> Возник вопрос о том, что нужно созвать сессию Верховного Совета СССР с тем, чтобы рассмотреть происходящие изменения. Иными словами, Верховный Совет СССР должен был принять окончательное решение по этому вопросу. У Лукьянова поинтересовались, когда будет сессия Верховного Совета, он заявил, что она назначена на 16 сентября. Присутствующие товарищи стали говорить, что сессию необходимо собрать значительно раньше, т.к. вопрос о введении чрезвычайного положения и принятых решений зависал в воздухе чуть ли не на месяц. Лукьянов стал объяснять, что быстро членов Верховного Совета ему собрать не удастся, т.к. люди находятся в отпусках и т.п. В лучшем случае он сможет собрать Верховный Совет не раньше, чем через неделю, т.е. не ранее 26 августа. Это заявление Лукьянова взорвало присутствующих. Ему стали говорить, что свое отношение к происшедшему в стране Верховный Совет должен высказать как можно быстрее — во вторник или среду, т.е. 20–21 августа, иначе нас просто не поймут. Шенин заявил, обращаясь к Лукьянову, что когда нужно было собрать людей на пленум ЦК КПСС, их находили в течение дня, на другой день люди уже были в Москве. Нам было непонятно, почему Лукьянов стремится оттянуть сессию Верховного Совета страны». (Т. 54, л.д. 126–127.)

По мнению следствия, А.И. Лукьянов лучше других понимал, что ввести чрезвычайное положение в стране может только Верховный Совет СССР. Понимал он и то, что для утверждения решения о введении чрезвычайного положения необходимо квалифицированное большинство Верховного Совета, а также предварительная работа с депутатами, на что требовалось время.

Следствием установлено, что проекты документов ГКЧП по указанию В.А. Крючкова были подготовлены КГБ СССР.

Признавая этот факт, обвиняемый Крючков В.А. показал: «Документы ГКЧП, а точнее их проекты, готовились в самый канун 19.08.91 года, проект «обращения» был подготовлен 17 или 18 августа 1991 года, тогда же был подготовлен и проект постановления ГКЧП № 1. При этом надо иметь в виду, что 18.08.91 года, когда мы собрались <...>, в эти документы вносили правки, так что их окончательная подготовка была завершена поздно вечером 18.08.91 года. Проекты этих документов от КГБ СССР готовили Егоров и Жижин, разумеется, по поручению и с моего ведома. К подготовке «Обращения» имело отношение информационно-аналитическое управление КГБ СССР, конкретно начальник этого управления Леонов Н.С., по моему поручению. <...> В подготовке документов принимал участие также представитель Министерства обороны». (Т. 2, л.д. 154.)

При предъявлении в ходе следствия Постановления № 1 ГКЧП одному из участников его подготовки А.Г. Егорову тот заметил, что «опубликованный текст постановления отличался от подготовленного нами текста. <...> очевидно окончательный текст был изготовлен 18 августа поздно вечером и ночью в Кремле». (Т. 7)

В.А. Крючков в связи с этим пояснил, что отдельные поправки в текст, а именно фраза «в отдельных местностях» в «Обращении к главам государств и правительствам и Генеральному секретарю ООН», «Заявлении Советского правительства» внесены им лично.

Он также подчеркнул, что поправка обсуждалась практически всеми присутствующими: «<...> 18 августа 1991 года вечером. Посоветовались с А.И. Лукьяновым, и он предложил вариант поправки в точном соответствии с законом о чрезвычайном положении». (Т. 2, л.д. 130–131, 141.)

По заключению судебно-почерковедческой экспертизы (акт 796, 1748/010 от 28 декабря 1991 года) записи: «по инициативе М.С. Горбачева, в силу ряда причин» в «Обращении к советскому народу», «в отдельных местностях» в «Заявлении советского руководства», в «Обращении к главам государств и правительствам и Генеральному секретарю ООН» — выполнены Крючковым.

Кем выполнены остальные правки в этих документах, установить не представилось возможным из-за малого количества образцов, краткости и простоты исследуемых записей. (Т. 6, л.д. 221–235.)

Говоря о персональном составе ГКЧП, обвиняемый В.А. Крючков показал, что окончательно он был определен 18 августа 1991 года. (Т. 2, л.д. 160.)

По поводу включения в состав ГКЧП отсутствовавших тогда в Кремле В.А. Стародубцева и А.И. Тизякова Г.И. Янаев, будучи допрошенным, пояснил: «На заседании в ночь с 18 на 19 августа Бакланов и Шенин предложили включить в состав ГКЧП Тизякова и Стародубцева. Никто против их кандидатур не высказывался, и такое решение было принято. Бакланов и Шенин заявили, что согласие Стародубцева и Тизякова получено, они разделяют взгляды ГКЧП и согласны работать.

В предъявленном мне по прибытии в Кремль проекте документа о составе ГКЧП фамилии Тизякова и Стародубцева были уже включены, но самих их не было, поэтому и возник о них вопрос <...>». (Т. 62, л.д. 53.)

Показания Янаева подтвердил и обвиняемый Д.Т. Язов: «Кто-то предложил, а я поддержал, что неплохо было бы в комитет включить Стародубцева и Тизякова». (Т. 99, л.д. 18.)

Несмотря на то что О.Д. Бакланов и О.С. Шенин заявили о своей неосведомленности и непричастности к персональному подбору членов ГКЧП, их показания опровергаются приведенными выше доказательствами.

Крючков предложил и Лукьянову войти в состав ГКЧП. Но тот отказался, сославшись на свой статус председателя Верховного Совета СССР, и предложил вычеркнуть его фамилию, поскольку видел свою задачу в утверждении на Верховном Совете СССР решений

ГКЧП. Он взял на себя и обязательство подготовить заявление о невозможности подписания 20 августа Союзного договора. Необходимо отметить, что это был главный довод при обосновании действий, направленных на захват власти. И «Заявление» Лукьянова в этом сыграло важнейшую роль.

Допрошенный по обстоятельствам формирования состава ГКЧП Лукьянов пояснил, что убедил присутствовавших в том, что ему как главе органа высшей законодательной власти не следует входить в состав неконституционного исполнительного органа — ГКЧП: «<...> В одном из предъявленных Янаевым или Крючковым документов стояла фамилия «Лукьянов», я предложил вычеркнуть мою фамилию, что они и сделали». (Т. 64, л.д. 7.)

О позиции Лукьянова свидетельствуют показания обвиняемого Г.И. Янаева: «<...> Впрямую он (Лукьянов) не высказывался против создания ГКЧП. Когда ему было предложено войти в состав ГКЧП, Лукьянов высказал сомнение, надо ли ему участвовать в деятельности ГКЧП и войти в его состав. Он мотивировал, что решения ГКЧП должны будут рассматриваться на Верховном Совете, и учитывая статус Председателя Верховного Совета, ему лучше не входить в ГКЧП. Убедением Лукьянова А.И. было, что подписание нового Союзного договора — это конец Союза ССР.

<...> Он взял на себя обязательство подготовить заявление по поводу переговоров в Ново-Огарево. Обещал оказать помощь при утверждении решений ГКЧП в Верховном Совете СССР на предстоящей внеочередной сессии, говорил, что это будет сложно сделать <...>». (Т. 62, л.д. 33.)

Из показаний Павлова В.С.: «<...> Лукьянов еще говорил о том, что лучше было бы сделать по-другому, пусть будет совсем плохо, валится и пусть все валится. Я сказал, что понимаю ли он, что страна развалится и несет ли он какую-нибудь ответственность за страну. Лукьянов ответил, что ну вот они пусть начнут, а потом уже мы все сделаем. Лукьянов доставал проект Союзного договора, говорил, что он полностью согласен с моими замечаниями по нему, что у него тоже есть свои замечания, но лучше пусть нарушат все это другие, пусть это будут республики <...>

<...> а когда все встанет на свои места, мы будем защищать Союз и Союзный договор». (Т. 54, л.д. 16.)

В своем заявлении на имя М.С. Горбачева от 23 августа 1991 года Павлов, касаясь роли Лукьянова, писал: «<...> он со всем согласен и разделяет, но ему нужно вести будет в понедельник Верховный Совет по этому вопросу, если т. Янаев Г.И. подписывает свое вступление в должность Президента, а, поставив подпись вместе с другими, он этой возможности лишается и для дела ее лучше пока снять <...>».

Данное заявление изъято у него при обыске и приобщено к материалам дела. (Т. 56, л.д. 129.)

В своих показаниях Д.Т. Язов подчеркнул, что Лукьянов, оценив ситуацию, сказал: «Если мы хотим, чтобы он (Лукьянов. — Ред.) нам чем-то помог, то он напишет от своего имени Заявление по проекту Союзного договора, где выскажет свои замечания по этому поводу». (Т. 99, л.д. 60.)

Следствием установлено, что в 23.35 в кабинет Павлова в Кремле прибыл министр иностранных дел СССР А.А. Бессмертных, которому В.А. Крючков предложил войти в ГКЧП, но тот, сославшись на возможную негативную реакцию за рубежом, отказался сделать это и вычеркнул свою фамилию из списка. Тогда Янаев предложил ознакомиться с проектом подготовленного «Обращения к главам государств и правительств и Генеральному секретарю ООН», высказать замечания, а затем вместе с ним подписать его. Сделав ряд поправок в документе, Бессмертных по тем же мотивам отказался его подписывать, но по просьбе Янаева согласился подготовить от его имени послания руководителям крупных государств для информирования их по поводу событий в стране.

Допрошенный в связи с этим в качестве свидетеля А.А. Бессмертных показал: «Меня доставили в Кремль, я зашел в комнату, там сидело много людей <...> Я вошел и тоже сел к краю стола, ожидая, что меня введут в курс дела. Крючков подошел ко мне и сказал, что хочет выйти со мной «на минутку». Мы вместе вышли в находящуюся рядом небольшую комнату и там он сказал: «Страна на грани катастрофы, будет вводиться чрезвычайное положение, и мне хотелось бы, чтобы Вы, Александр Александрович, вошли в этот комитет. Сразу же я спросил его о том, что это делается по решению Михаила Сергеевича Горбачева, вот это мероприятие? Он сказал, что ни в каком комитете участвовать не буду. Он показал мне отпечатанный на листе бумаги текст, в котором была указана моя фамилия, должность, но я взял ручку и прямо на этом листе зачеркнул свою фамилию и сказал, что ни в каком комитете я участвовать не буду <...>» (Т. 124, л.д. 3.)

Среди находившихся в кабинете Бессмертных назвал Лукьянова, Крючкова, Шенина, Бакланова, Янаева, Павлова, Язова, Болдина, Плеханова, Грушко и незнакомого до этого ему Ачалова. По возвращении в кабинет, по словам Бессмертных, Крючков сразу же сообщил: «Бессмертных отказался».

«Когда мы вошли в кабинет, — рассказал далее Бессмертных, — <...> я подошел к столу и стал задавать вопросы. Меня все это волновало. <...> я спросил о том, что они собираются добиться введением чрезвычайного положения. Они сказали, что надо обеспечить порядок, уборку урожая, чтоб «заработала» экономика. Как человек, занимающийся внешним миром, я сказал, что чрезвычайное положение вызовет серьезный кризис во внешней политике. И можно ожидать санкций блока НАТО, потому что всякое чрезвычайное положение есть ущемление прав человека, очень чувствителен на этот счет «запад», тем более мы достигли очень многого. Я сказал, что мы не получили ни зернышка из того зерна, которое должны закупить, закроются кредитные линии, <...> если тем более что-то случится в Прибалтике, то произойдет колоссальный внешнеполитический взрыв <...>, если прольется кровь, весь мир просто восстанет <...>».

На вопрос Бессмертных, не вызовет ли введение чрезвычайного положения в стране забастовок шахтеров, железнодорожников, Шенин заявил, что «рабочий класс это поддержит».

«<...> Они дали понять, что они лучше меня знают внутреннюю ситуацию в стране <...>» (Т. 124, л.д. 4.)

«Потом мне дали посмотреть текст заявления, — пояснил Бессмертных. — Обращения к главам государств и Организации Объединенных Наций, которое было уже отпечатано. Это было необычно для меня, но я все же посмотрел очень внимательно текст этого обращения. Его внешнеполитическая часть была составлена профессионально, грамотно, Советский Союз обязуется выполнять все договоры, соглашения, выступает за стабильность, т.е. та часть, которая меня волновала как министра иностранных дел, вызывала тревогу, была изложена с точки зрения нашей внешней политики нормально» (Т. 124, л.д. 5.)

Показания Бессмертных подтвердил и обвиняемый В.А. Крючков: «<...> мы кратко ввели его в курс дела. Для него это была полная неожиданность. Он был очень расстроен, заметил, что обстановка в стране действительно сложная. Ознакомившись с составом ГКЧП, он возразил против своего участия в нем. <...> Этот вопрос обсуждался, и Бессмертных А.А. в состав ГКЧП не был включен. Деталей обсуждения не помню, т.к. находился в соседней комнате. Бессмертных поинтересовался вопросом о М.С. Горбачеве. Ему было сказано, что хватит искать виновных, что нет никаких намерений давать Горбачеву в обиду. <...> Лично мною Бессмертных было сказано, что при введении чрезвычайного положения не будет допущено кровопролития. В конкретные планы по введению ЧП он не был посвящен и не интересовался этим» (Т. 2, л.д. 51–52.)

Обвиняемый В.С. Павлов дополнительно отметил следующее: «Бессмертных посмотрел текст Обращения и сделал несколько замечаний. На это Янаев сказал ему, чтобы тот делал так, как считает нужным. Но в конце концов Бессмертных не стал тоже подписывать это обращение, хотя его подпись там стояла в числе других».

Помню также слова Бессмертных А.А.: «Я не могу подписывать документы ГКЧП в связи с особой деликатностью введения чрезвычайного положения с точки зрения его восприятия зарубежными руководителями и мировым общественным мнением. Мне придется очень много работать с тем, чтобы их убедить, что наша политика остается неизменной и внутри государства, и за рубежом». С позицией Бессмертных все согласилось. Причем без обсуждения, молча. Янаев Г.И. сказал Бессмертных А.А., чтобы он завтра послал все документы ГКЧП за рубеж совпослом, чтобы все узнали не из газет, а официально. Кроме того, он попросил Бессмертных связаться по телефону с Бушем, Мейджером, Колем, Миттераном. Бессмертных А.А. обещал Янаеву все это сделать» (Т. 54, л.д. 17; т. 124, л.д. 113.)

Из показаний обвиняемого Янаева Г.И. следует: «За столом при разговоре между членами ГКЧП за-

Глава МИД Александр Бессмертных как истинный дипломат отказался войти в состав ГКЧП

шел вопрос об ориентировке совпосольств в связи с введением в отдельных местностях СССР чрезвычайного положения. В связи с этим <...> я попросил Бессмертных подготовить от моего имени шифровки руководителям ряда крупных государств с информацией по поводу вводимых в СССР решений, принятых ГКЧП. О конкретных фамилиях руководителей государств разговор не шел. Бессмертных должен был сам определить, кому конкретно должна была уйти подобная шифровка. Бессмертных с моей просьбой согласился. Никаких возражений с его стороны по данному вопросу не было. Бессмертных обещал данный документ подготовить к утру 19 августа 1991 года» (Т. 62, л.д. 61.)

Деятельность МИД СССР и А.А. Бессмертных в этом направлении изложена в соответствующем разделе обвинительного заключения.

Описанные обстоятельства подтвердили обвиняемые и свидетели: Язов Д.Т. (т. 99, л.д. 130), Бакланов О.Д. (т. 21, л.д. 41), Плеханов Ю.С. (т. 5, л.д. 43–44), Ачалов В.А. (т. 109, л.д. 8), Майоров А.В. (т. 124, л.д. 137–139), Иванов А.С. (т. 124, л.д. 146–152), Борщев О.А. (т. 55, л.д. 39–42), Орлов В.И.

(т. 55, л.д. 43–46), Коростелев Н.В. (т. 55, л.д. 77–79), Лебедев Н.К. (т. 26, л.д. 31) и другие.

Время прибытия Бессмертных в Кремль установлено записью в журнале № 136 регистрации пребывания охраняемых лиц в Кремле, согласно которой А.А. Бессмертных находился там с 23.35 до 2.30 19 августа 1991 года. (Т. 55, л.д. 98.)

В 23.43 А.И. Лукьянов, сославшись на то, что ему необходимо подготовить заявление, покинул кабинет Павлова и ушел к себе. Там вызвал к себе своих подчиненных Н.Ф. Рубцова и В.А. Иванова, которым сообщил об отстранении Горбачева от власти, введении чрезвычайного положения, создании ГКЧП, своем отказе войти в его состав, и в их присутствии написал текст Заявления о Союзном договоре, мотивируя невозможностью его подписания.

Около 24 часов по указанию Ю.С. Плеханова отредактированные документы ГКЧП с помощью привлеченных сотрудников общего отдела аппарата президента СССР Т.В. Комлевой, А.А. Кудрявцева и З.Д. Мироновой были перепечатаны и размножены на ксероксе, а затем подписаны членами созданного ГКЧП СССР. Указ вице-президента СССР о вступлении в исполнение обязанностей президента СССР и «Обращение к главам государств и правительств и Генеральному секретарю ООН» подписал Г.И. Янаев, выступивший в роли и.о. президента СССР, «Заявление советского руководства» — Г.И. Янаев, В.С. Павлов и О.Д. Бакланов, «Обращение к советскому народу» и «Постановление № 1 ГКЧП СССР» — Г.И. Янаев, В.С. Павлов, О.Д. Бакланов, В.А. Крючков, Д.Т. Язов, Б.К. Пуго; отсутствовавшие на этом заседании А.И. Тизяков и В.А. Стародубцев поставили свои подписи уже 19 августа.

Все эти документы, а также «Заявление Председателя Верховного Совета СССР» утром через средства массовой информации были обнародованы.

Допрошенный по этому вопросу обвиняемый В.С. Павлов показал: «Когда я подписывал документ, где после фамилии Янаева значилась фамилия Лукьянова, то она была перечеркнута. Кто ее вычеркнул, сам Лукьянов или кто-то другой, я не видел. Далее этот документ был передан Бакланову. <...> документ был подписан мною и Баклановым после того, как его подписал Янаев. Он еще перед тем, как подписать, обратился ко мне: «Экономику-то мы удержим?» Я ему ответил: «Да, удержим, если порядок будет в доме. Работать надо!» (Т. 54, л.д. 123.)

Свидетель Б.А. Авдеев, старший помощник коменданта по охране резиденции президента СССР, показал, что примерно в 23 часа 55 минут его вызвал к себе Плеханов, находившийся в приемной Павлова. Он приказал ему разыскать кого-либо из сотрудников общего отдела аппарата президента СССР и доставить к нему. Он нашел сотрудницу этого отдела Комлеву и привел ее к Плеханову, который поручил ей отпечатать какие-то бумаги. Отпечатанные листы она передала Плеханову, а он (Авдеев) вернулся в дежурную часть. Через некоторое время в Кремль прибыла одна из машинисток общего отдела. (Т. 76, л.д. 58–59.)

Эти показания подтвердила свидетель Т.В. Комлева, референт общего отдела аппарата президента СССР, которая сообщила, что 18 августа в 23.58, когда она по окончании дежурства готовилась сдать свой кабинет под охрану, к ней прибежал капитан Авдеев из охраны Кремля и сказал, что начальник охраны Ю.С. Плеханов срочно требует кого-нибудь из руководства отдела либо дежурного. На ее ссылку, что рабочий день уже закончен, Авдеев заявил, что отказываться нельзя — видимо, что-то случилось, и Плеханов срочно требует любого. Авдеев привел ее в приемную Павлова, где находился Плеханов. Тот, узнав, что руководство и машинистки отдела отсутствуют, сказал, что придется ей самой напечатать страницу текста. Когда она попыталась сослаться на то, что утратила навыки печатания на машинке, он потребовал: «Иди и печатай, и чтоб через одну-две минуты бумага была у меня на столе». В соответствии с действующей инструкцией она позвонила домой своему руководителю В.В. Бутину и доложила о возникшей ситуации. Он поручил ей оказать Плеханову всяческую помощь и предложил вызвать машинистку.

«Затем я начала печатать, — сообщила свидетель Т.В. Комлева, — это был первый лист постановления Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР, страница была отпечатана на машинке и отксерокопирована. Перепечатывалась страница в связи с тем, что в текст вносилось дополнение «Впредь до рассматривания и принятия Верховным Советом СССР...» Из текста я поняла, что в стране вводится чрезвычайное положение, и была уверена, что комитет создается по прямому указанию Президента СССР».

КООПЕРАТИВ

«ЛЕБЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО»

Отпечатав страницу, она отдала ее Плеханову, который предложил пройти в кабинет премьер-министра, где находилась группа мужчин из 8–10 человек, среди которых Комлева узнала В.С. Павлова. Плеханов провёл ее через кабинет Павлова в комнату отдыха, где были В.А. Крючков и один из его заместителей. После того как они прочли документ, Плеханов попросил размножить его в пяти экземплярах, сказав, что это можно сделать в приемной Болдина. Находившийся там старший референт аппарата президента СССР А.А. Кудрявцев выполнил эту работу.

В последующем Плеханов неоднократно передавал ей для перепечатки листы различных документов с поправками. Печатали их специально вызванная машинистка З.Д. Миронова, А.А. Кудрявцев размножал на ксероксе. Этой работой они занимались до трех часов ночи. (Т. 76, л.д. 53–56.)

Допрошенные В.В. Бутин, З.Д. Миронова и А.А. Кудрявцев подтвердили эти показания Т.В. Комлевой. Кудрявцев, кроме того, дополнил, что, помимо нее, размножать документы приносил и сам Ю.С. Плеханов. В числе копируемых документов были «Обращение к советскому народу» и «Обращение в ООН». Поздно вечером и ночью в Кремле в кабинете у Павлова он видел Крючкова, Болдина, Бакланова, Янаева, Плеханова, Пуго. Только в начале четвертого часа утра его и женщин из общего отдела развезли по домам. (Т. 76, л.д. 5–9, 60–61, 76–70.)

Допрошенный по настоящему делу Ю.С. Плеханов первоначально отрицал не только свое участие в размножении документов ГКЧП, но и вообще свое пребывание на встрече в Кремле. Однако, понимая, что уличен приведенными доказательствами, вынужден был признать это.

Согласно заключению судебно-технической экспертизы (акт № 12/020 от 25 декабря 1991 года), вышеуказанные документы, а также их отдельные фрагменты, изъятые в КГБ СССР, общем отделе ЦК КПСС, ТАСС, Государственной телерадиокомпании СССР, отпечатаны на пишущих машинках «Триумф» № 41181797 из КГБ СССР, «Эрика» № 7177161 из приемной вице-президента СССР, «Ятрань» № 017063 из машбюро общего отдела аппарата президента СССР, «Олимпия» № 27–1267120 из группы выпуска документов общего отдела аппарата президента СССР. (Т. 6, л.д. 196–219.)

После согласования и подписания вышеуказанных документов ГКЧП было принято решение утром 19 августа начать ввод войск в Москву.

Допрошенный по этому поводу обвиняемый Д.Т. Язов показал: «Когда Янаев, Павлов и Бакланов поздно вечером 18.08.91 года на встрече подписали документ, а я и другие его завизировали, тогда речь зашла и о введении чрезвычайного положения в Москве и Ленинграде. А для обеспечения режима чрезвычайного положения необходимо было и осуществить ввод войск в Москву, с целью недопущения возможных беспорядков в городе. Я был согласен с принятым решением, возможно и высказывался на эту тему <...>

Для выполнения принятого решения я вместе с Ачаловым вышел из Кремля в 1 час ночи 19.08.91 года». (Т. 99, л.д. 203, 234–262.)

Эти показания подтвердил свидетель В.А. Ачалов: «На совещании у Янаева 18 августа в Кремле решался также вопрос о введении ЧП в отдельных районах страны, в т.ч. и в Москве. Когда Янаев сказал о введении ЧП, Пуго ему заметил, что у них сил и средств для этого мало. При этих словах Янаева <...> у меня «волосы встали дыбом», поскольку вопрос о введении ЧП им был поставлен настолько серьезно и категорично, что это вызвало беспокойство. На реплику Пуго Янаев, повернувшись к нам (мы сидели рядом с Язовым), сказал, чтобы мы, военные, помогли в этом и вводили войска, брали под охрану объекты, какие конкретно не говорилось. Я сразу и категорически возразил, обращаясь к Язову, как к своему начальнику, что вводить войска нельзя, при этом привел свои доводы: раньше чем к 4 часам утра войска не смогут выдвинуться, а к этому времени по всем дорогам будет интенсивное движение, что будет небезопасно. Язов с моими доводами согласился». (Т. 109, л.д. 9–15.)

Г.И. Янаев, отрицая причастность к этому, заявил следующее: «Инициатором введения в Москву войск и техники я не выступал. Думаю, что к моему прибытию 18 августа в Кремль такое решение уже было принято. В моем присутствии никто из членов ГКЧП не выступал на заседании с таким предложением. Я не знал параметры этого мероприятия, какие войска, откуда будут введены в Москву. Против введения войск в Москву на заседании в ночь с 18 на 19 августа я не выступал». (Т. 62, л.д. 52.)

Другие обвиняемые от дачи показаний по этому делу уклонились.

Оценивая показания Язова, Ачалова и Янаева, следует отметить, что утром 18 августа на совещании руководящего состава Министерства обороны СССР Язовым заблаговременно были отданы распоряжения по подготовке ввода в Москву конкретных воинских подразделений. Аналогичные меры были осуществлены по линии КГБ СССР. То есть заговор опирался на военную силу, и вопрос об использовании в этих целях Вооруженных сил, войск КГБ и МВД СССР был решен в процессе подготовки к захвату власти.

Ввод войск в Москву утром 19 августа был осуществлен в комплексе мероприятий, направленных на достижение целей заговора — захвата власти, — и объективно вытекал из коллективных решений, принятых в ночь с 18 на 19 августа 1991 года. При этом следствие считает установленным то, что непосредственное указание об этом Язову дал Янаев, выступавший в роли главы государства.

В 0.45 по вызову Крючкова в Кремль в кабинет В.С. Павлова прибыл его первый заместитель В.Ф. Грушко, который помог ему разложить отсканированные в нескольких экземплярах документы ГКЧП. По завершении этой работы Крючков и Грушко, забрав часть документов, в том числе и подлинники, в 2.30 уехали в КГБ СССР.

По этому поводу В.Ф. Грушко пояснил следующее: «Там находились Павлов, Янаев, Бессмертных. При входе в комнату отдыха стоял Крючков. Он сразу же позвал меня к себе. Поздоровавшись с присутствующими, я прошел с Крючковым в комнату отдыха. На диване лежали множество листов документов от имени ГКЧП

с правками его членов. Я помог Крючкову разложить эти листы по экземплярам. <...> Когда я раскладывал листы, в комнату отдыха три или четыре раза входила женщина, которая приносила листы печатного текста и показывала Крючкову. Как я понял, какие-то листы перепечатывались...» (Т. 4, л.д. 108.)

Указанные обстоятельства также нашли свое подтверждение в показаниях офицеров охраны В.И. Орлова (т. 55, л.д. 43–46), В.И. Мызова (т. 55, л.д. 37–38), Б.А. Авдеева (т. 55, л.д. 47–49, т. 76, л.д. 58–59), С.М. Новикова (т. 7, л.д. 191–193), референта Т.В. Комлевой (т. 76, л.д. 53–56), обвиняемого Ю.С. Плеханова (т. 5, л.д. 54) и других.

Согласно записям в упомянутом журнале регистрации № 136, В.Ф. Грушко находился в здании резиденции президента СССР в Кремле с 0.45 до 2.30. До этого в 0.06 уехал В.И. Болдин, а за ним — Язов и Ачалов. (Т. 55, л.д. 98.)

Одновременно это опровергает утверждение Павлова и Язова о том, что В.Ф. Грушко вечером 18 августа 1991 года прибыл в Кремль вместе с Крючковым и наряду с другими участвовал в решении всех вопросов. По мнению следствия, давая показания об этом, они добросовестно заблуждаются.

По окончании встречи и после отъезда Болдина, Язова, Ачалова, Крючкова здесь же, в кабинете Павлова, Плехановым было организовано распитие спиртного.

И хотя основная часть его участников обошла молчанием данный момент, следствием установлено следующее.

Обвиняемый Д.Т. Язов, касаясь этого момента, показал, что на следующее утро от В.А. Крючкова он узнал, что по уходу его, Ачалова, и некоторых других из Кремля оставшиеся Янаев, Павлов, Бакланов, Плеханов и другие «практически до утра пьянствовали». Стремясь подчеркнуть свое резко отрицательное отношение к этому факту, Язов назвал их «бражкой ГКЧП», людьми с трясущимися руками. (Т. 99, л.д. 16, 67–69.)

Это подтвердили в своих показаниях А.А. Бессмертных (т. 124, л.д. 196) и В.С. Павлов, который пояснил: «Когда уже были подписаны подготовленные документы, Плеханов предложил выпить кофе. Все согласились. Кто-то из присутствующих в шутку сказал: «Неплохо кое-что бы к кофе...» Вскоре появилось спиртное, помоему, виски. <...> Времени было где-то около часа ночи <...> После этого я почувствовал себя плохо, ушел в комнату отдыха. Что происходило в мое отсутствие, я не знаю. В сознание меня уже привели врачи, вызванные на дачу на следующее утро». (Т. 54, л.д. 128, 133.)

Допрошенные в качестве свидетелей официанты из Службы охраны КГБ СССР А.Н. Галкин (т. 55, л.д. 60–62), И.В. Довиденко (т. 54, л.д. 271–273) и С.В. Пронькин (т. 55, л.д. 66–68) также подтвердили это обстоятельство, отметив, что в нетрезвом состоянии находились Янаев, Плеханов, Медведев и Павлов, которому затем стало плохо, на столе официанты видели бутылку виски.

Офицер охраны Павлова свидетель В.И. Мызов показал: «В течение совещания официанты несколько раз

Главным бенефициаром путча оказался первый президент независимой России Борис Ельцин

вносили в кабинет Павлова кофе и к нему коньяк или виски. Павлов, когда мы ехали в Кремль, был в нормальном состоянии, а когда возвращались — сильно нетрезвым <...> Плеханов, как и Павлов, к утру был абсолютно пьян. Павлова мне пришлось чуть не нести на себе в машину, а потом «выгружать» на даче». (Т. 59, л.д. 24–25, 38.)

Согласно справке № 200703/218 от 20.08.91 года Центральной клинической больницы лечебно-оздоровительного отделения при Кабинете министров СССР, у Павлова утром 19 августа диагностировано алкогольное опьянение. (Т. 59, л.д. 18.)

Это подтвердил и его лечащий врач Д.С. Сахаров, который также отметил: «Алкоголиком он не был, но отрицать его пристрастие к этому бессмысленно». (Т. 59, л.д. 16.)

Впоследствии этот неблагоприятный для него эпизод Павлов попытался обратить в свою пользу, утверждая, что сделал это преднамеренно, с тем чтобы уклониться от дальнейшей работы в составе созданного комитета,

поскольку «понял, что из этой затеи с ГКЧП ничего хорошего не выйдет». (Т. 54, л.д. 128, 139.)

Согласно упомянутой справке ЦКБ Лечебно-оздоровительного отделения, гипертонический криз у Павлова развился утром 20 августа. (Т. 59, л.д. 18.)

В течение 19 августа он, действуя как член ГКЧП, принимал участие в его работе, а вечером вместе с Тизяковым проводил заседание Кабинета министров СССР.

«Создание ГКЧП, — сообщил в своих показаниях Г.И. Янаев, — на мой взгляд, было инициировано руководителями трех секторных ведомств — КГБ СССР, Минобороны и МВД СССР, Премьер-министр Павлов В.С. являлся сторонником жесткой линии и поэтому создание ГКЧП отвечало и его воззрениям». (Т. 62, л.д. 10.)

Об этом же свидетельствует В.А. Ачалов, показавший, что «самым активным в создании этого комитета был Павлов В.С.». По делу собраны и другие доказательства того, что Павлов был одним из организаторов и активных участников заговора. (Т. 109, л.д. 8.)

Поэтому утверждения Павлова о преднамеренности действий, которые привели его к заболеванию, следствие расценивает как стремление показать свою непричастность к совершенному преступлению.

Согласно записям в журнале № 136, А.А. Бессмертных покинул резиденцию президента СССР в 2.30, О.Д. Бакланов и Б.К. Пуго — в 4.[3]0, В.С. Павлов и Ю.С. Плеханов — в 4.40, Г.И. Янаев и А.И. Лукьянов остались ночевать в своих служебных кабинетах. (Т. 55, л.д. 99.)

Таким образом, основываясь на приведенных доказательствах, следствие считает установленным, что в ночь с 18 на 19 августа 1991 года в результате заговора группы лиц, занимающих важнейшие государственные посты, президент СССР М.С. Горбачев незаконно был смещен, власть в стране захвачена опирающимся на военную силу антиконституционным органом ГКЧП СССР.

<...>

← СТРАНИЦЫ 18-19

КООПЕРАТИВ «ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО»

КАК МИЛИЦИЯ УЧАСТВОВАЛА В ОРГАНИЗАЦИИ ПУТЧА И КАК МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ БОРИС ПУГО

Являясь участником заговора, министр внутренних дел СССР Б.К. Пуго, используя свое должностное положение для достижения поставленной цели, привлек подчиненные ему органы милиции.

Свидетели Шилов и Дубиняк показали, что 18 августа 1991 года около 18 часов в кабинете Пуго они были информированы последним о готовящемся введении чрезвычайного положения в стране. Министр потребовал от них подготовить внутренние войска и систему органов внутренних дел для действий в этих условиях. Затем по его указанию они приняли участие в совещании у первого заместителя председателя КГБ Грушко, где присутствовали Ачалов, Петровас, Калганов и другие лица, которых они не знали. Грушко заявил, что в стране будет вводиться чрезвычайное положение и задача органов милиции — обеспечить в этих условиях охрану телецентра, средств связи, вокзалов, аэропортов и других объектов. Они не согласились на участие органов внутренних дел в каких-либо противоправных акциях и пояснили, что охрана объектов в настоящее время обеспечена и дополнительных мер не требуется. О результатах совещания они доложили Пуго.

Показания Шилова и Дубиняка о вызове их Пуго на работу 18 августа 1991 года подтвердил дежурный офицер приемной министра внутренних дел В.Н. Зубов, пояснивший, что в 16 часов Пуго позвонил в приемную и распорядился вызвать на работу Шилова и Дубиняка.

Следствием установлено, что перед этим Пуго в Министерстве обороны СССР встречался с Язовым и Крючковым, которые посвятили его в план захвата власти. (Т. 89, л.д. 17–19.)

Из записей в журнале приемной министра внутренних дел следует, что 18 августа 1991 года в период с 17.30 до 18.05 в кабинете Пуго находились Шилов и Дубиняк. (Т. 83, л.д. 296.)

Возвратившись утром 19 августа 1991 года из Кремля, Пуго распорядился о выделении необходимого числа мобильных экипажей ГАИ для сопровождения входящих в город воинских формирований и боевой техники к важнейшим объектам жизнеобеспечения г. Москвы.

По показаниям И.Ф. Шилова, Пуго, позвонив ему около 5 часов 19 августа, распорядился выделить 15–20 экипажей ГАИ для сопровождения колонн боевой техники от кольцевой автодороги к объектам в г. Москве, которые определяют военные. Выполняя этот приказ, он дал необходимые указания и.о. начальника УГАИ г. Москвы Ильину. (Т. 89, л.д. 50.)

И.о. начальника УГАИ г. Москвы Ю.Д. Ильин подтвердил, что ночью ему позвонил Шилов и, сославшись на указание Б.К. Пуго, приказал выделить 15–20 экипажей ГАИ для сопровождения войск в Москве. (Т. 90, л.д. 68–69.)

19 августа в 9 часов Пуго провел совещание руководства Центрального аппарата МВД СССР, на

Валентин СОБОЛЕВ / ТАСС

Борис Пуго

«СОВЕРШИЛ ОШИБКУ, РАВНОЦЕННУЮ ПРЕСТУПЛЕНИЮ»

ПРИГОВОРИЛ ЗА ЭТО СЕБЯ САМ. ФРАГМЕНТЫ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПО «ДЕЛУ ГКЧП»

котором ориентировал их на безусловное выполнение решений ГКЧП. На совещании были даны соответствующие указания руководителям структурных подразделений.

По итогам совещания управление делами МВД СССР подготовило и направило во все МВД союзных и автономных республик, краевые, областные и транспортные УВД шифротелеграмму № 922 с изложением приказа Пуго № 066, предусматривающего перевод в условиях чрезвычайного положения всей системы органов внутренних дел страны на усиленный вариант несения службы и другие организационные меры. Одновременно для координации деятельности органов и оперативного контроля за складывающейся в регионах страны общественно-политической ситуацией в соответствии с приказом Пуго № 067 при МВД СССР был образован оперативный штаб.

Эти обстоятельства установлены показаниями свидетелей И.С. Каро, А.В. Котлова, А.В. Турбанова и других, а также изъятими в управлении делами министерства приказами №№ 067, 066 и шифротелеграммой № 922 от 19 августа 1991 года. (Т. 83, л.д. 93–96.)

Из показаний свидетеля И.С. Каро, начальника штаба МВД СССР, следует, что утром 19 августа 1991 года на совещании Пуго дал указания подготовить приказ о деятельности органов милиции в условиях чрезвычайного положения.

«<...> В связи с этим штабом МВД СССР были подготовлены два приказа № 066 от 19 августа 1991 года «О мерах по усилению охраны общественного порядка и безопасности в условиях чрезвычайного положения» и № 067 «Об организации работы МВД СССР в связи с объявлением чрезвычайного положения». Эти приказы были подписаны Пуго <...>» (Т. 82, л.д. 45.)

Аналогичные показания об обстоятельствах подготовки указанных документов дали свидетели А.В. Котлов (т. 82, л.д. 64–65) и А.В. Турбанов (т. 82, л.д. 76–77).

20 августа в период с 10 до 12 часов Пуго участвовал в заседании ГКЧП при обсуждении указов президента РСФСР от 19 августа 1991 года, которыми действия ГКЧП квалифицировались как государственный переворот. В этот день по указанию Пуго управлением правового обеспечения деятельности органов внутренних дел МВД СССР был подготовлен проект постановления ГКЧП об отмене указов президента РСФСР №№ 59, 61, 62 и 63 от 19 августа 1991 года.

Это подтверждается показаниями свидетелей Некрылова, Турбанова, Косачева и других, изъятых в управлении делами МВД СССР копией проекта документа с сопроводительным письмом к нему за подписью Пуго. (Т. 83, л.д. 285.)

Так, свидетель Н.Я. Некрылов показал, что в период 19–21 августа в МВД СССР из аппарата президента РСФСР поступили указы Б.Н. Ельцина №№ 59, 60, 61, 62, 63, о которых он сразу же доложил министру.

Последний дал указание снять с них копии и подготовить проект постановления об отмене этих указов. (Т. 82, л.д. 25.)

Эти обстоятельства подтвердил свидетель А.В. Турбанов, показав, что 20 августа 1991 года ему позвонил Пуго и спросил, знаком ли он с указом Ельцина. К этому времени у него уже имелся указ президента РСФСР № 59 от 19 августа. Министр сообщил, что Ельцин принял еще ряд указов, и необходимо не откладывая подготовить проект постановления об их отмене <...> Минут через 20–30 из управления делами МВД СССР поступило четыре указа президента РСФСР и постановление Совета Министров РСФСР от 19 августа. Он изучил эти документы и самостоятельно подготовил проект постановления ГКЧП о признании этих указов не имеющими юридической силы, которые он отнес министру. (Т. 82, л.д. 88–89.)

Свидетель А.Н. Косачев также показал, что 20 августа Пуго, передав ему страничку текста, попросил сделать восемь ксерокопий и направить с письмом за его подписью руководителю аппарата президента СССР Болдину. Упомянутый текст представлял собой проект решения ГКЧП о признании недействительными указов президента РСФСР и постановления Совета Министров РСФСР. (Т. 82, л.д. 142.)

В связи с обращением руководства России с призывами о защите конституционного строя МВД РСФСР приняло решение о вызове в Москву курсантов спецшкол милиции.

С целью воспрепятствования этому 20 августа управлением делами МВД СССР по указанию Пуго была подготовлена и направлена в адрес МВД союзных и автономных республик, краевые, областные и транспортные УВД шифротелеграмма № 937/1249 об ответственности за неисполнение постановлений ГКЧП и шифротелеграммами № 938/1250, содержащая категорический запрет руководителям учебных заведений системы МВД РСФСР исполнять указания МВД РСФСР о направлении в г. Москву в распоряжение правительства и президента России курсантов спецшкол милиции.

Однако, несмотря на это, курсанты прибыли в Москву и приняли активное участие в защите здания Верховного Совета России.

Это подтверждается показаниями свидетелей В.П. Трушина, В.А. Карпочева, Т.Н. Радько, С.В. Жукова, изъятими из 2-го спецотдела управления делами МВД СССР шифротелеграммами №№ 937/1249 и 938/1250, приобщенными к делу. (Т. 83, л.д. 252, 253.)

Из показаний свидетеля В.А. Карпочева следует, что 20 августа 1991 года около 16 часов ему позвонил Пуго и спросил, знает ли он, что по указанию МВД РСФСР из ближайших городов в Москву вызваны курсанты школ милиции с оружием. Далее Пуго распорядился подготовить телеграмму, запрещающую делать это. Исполняя распоряжение Пуго, он вызвал своего заместителя Радько и, сообщив ему о постав-

ленной министром задаче, приказал подготовить соответствующую телеграмму. Завизировав телеграмму, он отнес ее Пуго. Последний, подписав документ, распорядился отправить его не телеграммой, а шифротелеграммой. Он же дал указание позвонить в школы дополнительно и передать содержание этой телеграммы. (Т. 90, л.д. 119–120.)

Свидетель Т.Н. Радько показал, что 20 августа 1991 года около 16 часов его вызвал Карпочев и сообщил, что Пуго приказал подготовить указание о том, что личному составу школ милиции запрещается прибытие в Москву. Телеграмма такого содержания им была подготовлена. Ознакомившись с текстом, Пуго немного подправил его. После этого шифротелеграмма была передана работнику управления делами для отправки. (Т. 90, л.д. 136–137.)

Свидетель В.П. Трушин показал, что 20 августа 1991 года <...> ему позвонил начальник Калужского УВД Астахов и сообщил, что по территории их области в Москву движется колонна Брянской школы милиции. После звонка Астахова дежурный офицер из приемной Пуго передал ему по телефону, чтобы было обеспечено выполнение приказа, запрещающего прибытие в Москву. (Т. 90, л.д. 62.)

В период 19–20 августа Пуго систематически контролировал работу средств массовой информации, препятствуя распространению достоверной информации. 20 августа в 15 часов 30 минут МВД СССР по инициативе Пуго была подготовлена и направлена во все низовые звенья системы МВД СССР шифротелеграмма № 941/1251 об усилении охраны объектов телерадиовещания, а также содержало требование о немедленном информировании МВД СССР о фактах невыполнения постановления ГКЧП № 3.

Данная шифротелеграмма в процессе следствия изъята и приобщена к материалам дела. (Т. 83, л.д. 254.)

Приведенные, а также другие доказательства, имеющиеся в материалах дела, позволяют сделать вывод о том, что Б.К. Пуго, являясь участником заговора, делал все от него зависящее по реализации решений ГКЧП, укреплению его позиций, используя свое должностное положение министра внутренних дел СССР. 22 августа 1991 года около 9 часов утра Пуго, осознавая провал заговора и понимая неизбежность ответственности за содеянное, в своей квартире в г. Москве покончил жизнь самоубийством.

В предсмертной записке он написал следующее: «Совершил совершенно неожиданную для себя ошибку, равноценную преступлению. Да, это ошибка, а не убеждения. Знаю теперь, что обманулся в людях, которым очень верил. Все это ошибка».

Уголовное дело в отношении Пуго по факту участия в заговоре с целью захвата власти прекращено в связи с его смертью.

<...>

КООПЕРАТИВ

«ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО»

Послесловие

Партия ГКЧП оказалась быстро сыгранной. Быстрее, чем заговорщики могли бы ожидать. И главное — совсем не с тем результатом, на который они рассчитывали. Оправдались самые мрачные предсказания накануне переворота. Как отмечал позднее Язов, в ходе вечерней встречи в Кремле 18 августа возникла растерянность, звучали фразы: «мы засветились», «если сейчас с этим соглашаемся и расходимся, то мы — на плаху, а вы чистенькие...», «мы подписали смертный приговор».

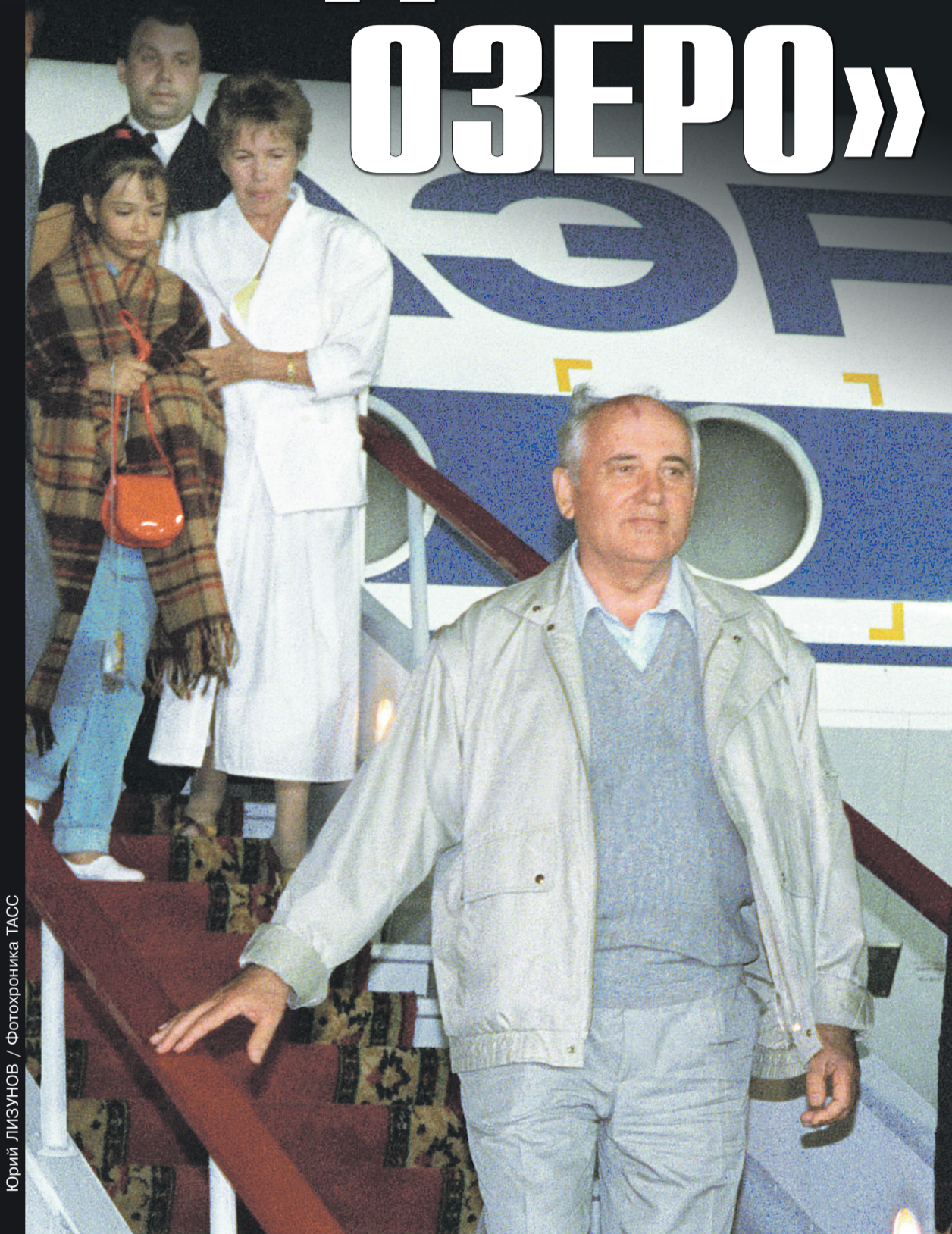
Но маховик переворота уже был запущен, и 19 августа члены ГКЧП даже приободрились, им казалось, дело движется к успеху. Вечер следующего дня принес отрезвление — вокруг Белого дома образовалась настоящая и многотысячная народная оборона. А в наступившую ночь — неподчинение людей комендантскому часу, стычки на улицах с войсками, первые жертвы. Дрогнули люди из спецподразделений КГБ и МВД — они отказались штурмовать Белый дом, поняли, что число погибших будет огромным и неприемлемым, даже в их собственных рядах. Дал «отбой» войскам и Язов. Штурм не состоялся, а утро 21 августа принесло полный разброд и шатания в ряды заговорщиков. Язов вышел из игры и дал команду на вывод войск из Москвы. Песенка гзачепистов была спета. Они бросились в Крым к Горбачеву — то ли сдаваться на милость победителя, то ли еще как-то смикшировать ситуацию и обратить все в фарс. Горбачев их не принял, он уже знал о намерении правительства РСФСР направить на его освобождение самолет с вооруженной охраной.

Как отмечено в обвинительном заключении по «делу ГКЧП», «изоляция Президента СССР продолжалась с 16 часов 30 минут 18 августа до момента включения ему связи в 17 часов 30 минут 21 августа 1991 года, то есть в общей сложности 73 часа, в течение которых М.С. Горбачев в результате заговора был лишен возможности осуществлять конституционные полномочия Главы государства».

Заговорщикам казалось, что президентская власть — это что-то эфемерное. Отрубил связь с государственным аппаратом, лишил рычагов управления, отобрал «ядерную кнопку» — и все, нет ее, власти! Оказалось не так. Власть Горбачева сохранялась в поддержке народа. В окрепшем самосознании, выросшем чувстве политического достоинства. С требованием «свободы Горбачеву» объединились самые разные люди — даже те, кто раньше яростно критиковал президента. Люди почувствовали себя оскорбленными.

Горбачев вернулся в Москву. Он уезжал в отпуск из столицы Советского Союза, а теперь его встречала Россия. Да, через 73 часа мы проснулись в другой стране. В истории всевластия коммунистической партии была поставлена жирная точка.

Никита ПЕТРОВ, историк — специально для «Новой»

Юрий ЛИЗУНОВ / фотохроника ТАСС

Редакторы номера: С. Кожеуров, В. Половинко, Г. Розинский

www.novayagazeta.spb.ru

www.novayagazeta.ru

Наш адрес в интернете: NovayaGazeta.Ru

НОВАЯ ГАЗЕТА

РЕДАКЦИЯ

Дмитрий МУРАТОВ (главный редактор)
Сергей КОЖЕУРОВ (директор)

Редакционная коллегия:

Ольга БОБРОВА (зам главного редактора),
Александра ДЖОРДЖЕВИЧ (отдел расследований),
Руслан ДУБОВ (ответственный секретарь),
Александр ЛЕБЕДЕВ (зам главного редактора),
Андрей ЛИПСКИЙ (зам главного редактора),
Лариса МАЛЮКОВА (обозреватель),
Кирилл МАРТЫНОВ (первый зам главного редактора),
Юлия МИНЕЕВА, **Константин ПОЛЕСКОВ** (шеф-редактор WEB-редакции), **Алексей ПОЛУХИН** (зам главного редактора), **Надежда ПРУСЕНКОВА**, **Георгий РОЗИНСКИЙ** (зам главного редактора), **Юрий РОСТ** (обозреватель), **Петр САРУХАНОВ** (главный художник), **Сергей СОКОЛОВ** (зам главного редактора), **Ольга ТИМОФЕЕВА** (редактор отдела культуры), **Арнольд ХАЧАТУРОВ** (редактор отдела экономики), **Виталий ЯРОШЕВСКИЙ** (зам главного редактора)

Обозреватели, специальные корреспонденты и руководители направлений:

Илья АЗАР, **Юрий БАТУРИН**, **Борис БРОНШТЕЙН**, **Дмитрий БЫКОВ**, **Борис ВИШНЕВСКИЙ**, **Александр ГЕНИС**, **Ирина ГОРДИЕНКО**, **Павел ГУТИОНОВ** (истфак «Новой»), **Елена ДЬЯКОВА**, **Иван ЖИЛИН** (редактор репортерской группы), **Андрей ЗАЯКИН** (дата-отдел), **Вячеслав ИЗМАЙЛОВ**, **Павел КАНЫГИН** (руководитель продюсерского центра), **Денис КОРОТКОВ**, **Елена КОСЮЧЕНКО**, **Алиса КУСТИКОВА**, **Юлия ЛАТЫНИНА**, **Елена МИЛАШИНА**, **Владимир МОЗГОВОЙ**, **Сергей МОСТОВЩИКОВ**, **Галина МУРСАЛИЕВА**, **Ирек МУРТАЗИН**, **Леонид НИКИТИНСКИЙ**, **Ирина ПЕТРОВСКАЯ**, **Алексей ПОЛИКОВСКИЙ**, **Вячеслав ПОЛОВИНКО**, **Елена РАЧЕВА**, **Ким СМЕРНОВ**, **Алексей ТАРАСОВ**, **Слава ТАРОШИНА**, **Марина ТОКАРЕВА**, **Ирина ТУМАКОВА**, **Павел ФЕЛЬГЕНГАУЭР**, **Вера ЧЕЛИЩЕВА**, **Наталья ЧЕРНОВА**, **Ян ШЕНКМАН**

Мультимедиа:

Анна АРТЕМЬЕВА, **Ирина БЫКОВА**, **Влад ДОКШИН**, **Виктория ОДИССОНОВА**, **Анна ПИНДЮРИНА**, **Серафима СВЕРДЛОВА** (Тик-Ток), **Глеб ШУЛЬЦ-ИВОНИН**, **Надежда ЮРОВА**

Собственные корреспонденты:

Надежда АНДРЕЕВА (Саратов), **Татьяна БРИЦКАЯ** (Мурманск), **Изоolda ДРОБИНА** (Урал), **Мария ЕПИФАНОВА** (страны Балтии и Северной Европы), **Александр МИНЕЕВ** (Брюссель), **Ольга МУСАФИРОВА** (Киев), **Александр ПАНОВ** (Вашингтон), **Нина ПЕТЛЯНОВА** (Санкт-Петербург), **Елена РОМАНОВА** (Ростов-на-Дону), **Юрий САФОНОВ** (Париж), **Валерия ФЕДОРЕНКО** (Владивосток), **Ирина ХАЛИП** (Минск)

Группа выпуска:

Анна ЖАВОРОНКОВА (арт-директор), **Алексей КОМАРОВ**, **Татьяна ПЛОТНИКОВА** (билд-редакторы), **Диана ГРИГОРЬЕВА**, **Оксана МИСРОВА**, **Надежда ХРАПОВА**, **Вероника ЦОЦКО** (технические редакторы)

WEB-редакция:

Наталья ГЛУХОВА, **Мария ЕФИМОВА**, **Никита КОНДРАТЬЕВ** (редактор службы новостей), **Софья КРУГЛИКОВА**, **Александр ЛАВРЕНОВ**, **Александра НОВИКОВА**, **Анастасия ТОРОП**

ДИРЕКЦИЯ

Алексей ПОЛУХИН (генеральный директор ЗАО «ИД «Новая газета»)

Владимир ВАНЯЙКИН (управление делами), **Ирина ДРАНКОВА**, **Елена СЕДОВА** (бухгалтерия), **Наталья ЗЫКОВА** (персонал), **Анжелика ПОЛЯКОВА** (реклама),

Ярослав КОЖЕУРОВ, **Галина КАРАЛАШ**, **Екатерина СЕДОВА** (юридическая служба),

Валерий ШИРЯЕВ (заместитель директора)

Пресс-служба:
Надежда ПРУСЕНКОВА

РЕДАКЦИЯ НОВОЙ ГАЗЕТЫ В СПБ

Учредитель и издатель: **ООО «МЕДИА.С-ПБ»**
СПб., 11-я линия, 66
Главный редактор: **Д.Л. КАЧАЛОВА**

Адрес редакции и издателя: 199048, Санкт-Петербург, 11-я линия, 66. ООО «Медиа.С-ПБ».

Наша группа ВКонтакте: vk.com/noga_spb, тел. 331-71-82

Подписной индекс:

ПР633

Газета зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Свидетельство о регистрации ПИ № Ту 78-01130 от 18 мая 2012 г.

Общий тираж — **102 315 экз.**

Тираж сертифицирован
Novayagazeta.Ru — **18 700 000** просмотров за июль 2021 г.

Тираж одного номера в СПб — **2510 экз.**

«Новая газета» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-24833 от 04 июля 2006 г.

Учредитель и издатель: ЗАО «Издательский дом «Новая газета». Редакция: АНО «Редакционно-издательский дом «Новая газета». Адрес: Потаповский пер., д. 3, Москва, 101000.

© ЗАО «ИД «Новая газета», АНО «РИД «Новая газета», 2021 г.

Любое использование материалов, в том числе путем перепечатки, допускается только по согласованию с редакцией. Ответственность за содержание рекламных материалов несет рекламодатель. Рукописи и письма, направленные в Редакцию, не рецензируются и не возвращаются. Направление письма в Редакцию является согласием на обработку (в том числе публикацию в газете) персональных данных автора письма, содержащихся в этом письме, если в письме не указано иное

Заказ №28. Типография ООО «Фирма «КУРЬЕР», СПб, Благодатная ул., 63. Срок подписания в печать по графику: 19.30, 17.08.2021 г. Номер подписан: 19.30, 17.08.2021 г. Время подписания номера в печать в СПб: 23.00, 17.08.2021. Уважаемые читатели! Просим всю корреспонденцию присылать по адресу: 199048, Санкт-Петербург, 11-я линия, 66. ООО «Медиа.С-ПБ».